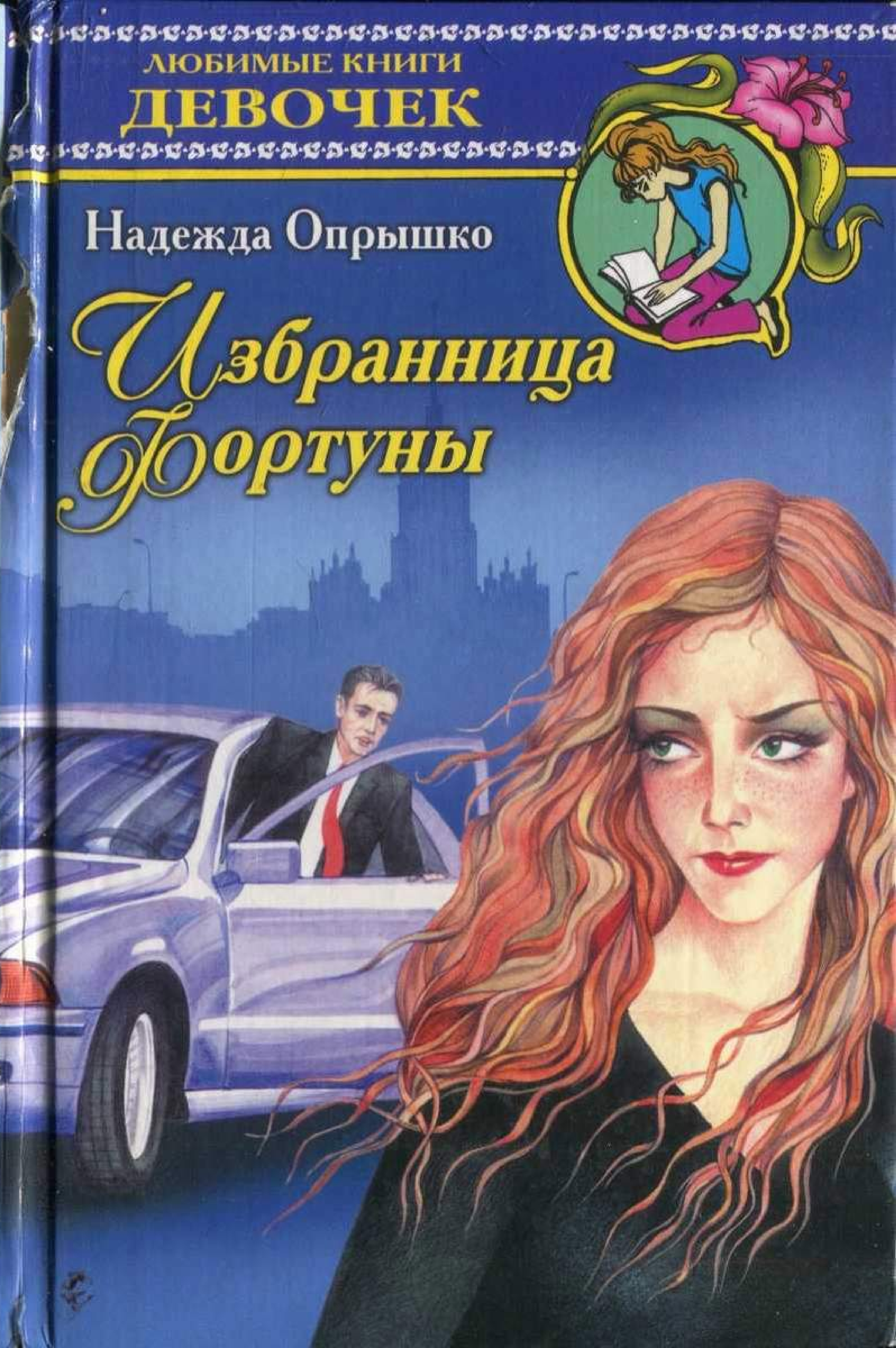

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ
ДЕВОЧЕК
Надежда Опрышко
Избранница
Фортуны

63

Много испытаний выпало на долю Анастасии Муравьевой. Она выросла в Сибири среди добрых и любящих людей. Девочке кажется, что весь мир лежит у ее ног. Но капризная и своенравная Фортуна распоряжается иначе. Настю ждут разочарования и потери. Однако сильную личность не так легко сломать, тем более что появляется человек, готовый прийти на помощь...

Надежда Опрышко

ИЗБРАННИЦА ФОРТУНЫ

Глава 1

НАВСТРЕЧУ МЕЧТЕ

Анастасия Муравьёва сидела у окна купейного вагона. Её нетерпеливый взгляд торопил и без того стремительно пробегавшие мимо пригорки, погосты и покосившиеся строения умирающих деревушек, теряющихся в бесконечных лесах. Тысячи километров отделяли Настю от Нижневартовска, уютно устроившегося на берегу Оби. С каждым часом она всё дальше удалялась от отчего дома. Да, она родилась и выросла в сибирской глубинке, среди спокойных, сильных духом людей и тихой размеренной жизни, но своё будущее ей виделось иным. Она представляла себя респектабельной дамой в костюме от кутюр, возглавляющей отделение солидного коммерческого банка, или преподавателем престижного университета, что тоже было неплохо лет этак через десять.

«Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слёзы первые любви!», —

процитировал на память пенсионер Иван Сергеевич Ломакин, Настин сосед по купе и интересный собеседник. Всё время, что они провели в пути, Иван Сергеевич и его жена с особой заботой и симпатией приглядывали за ней. Их конечным пунктом был город Ярославль. Её — Москва.

— Александр Блок, — сказала Настя, неохотно отрываясь от окна.

— Приятно, когда молодая девушка не только красива, но и умна и начитанна, — похвалил Иван Сергеевич, отхлёбывая чай. Он пил его по старинке. Откусывал кусочек сахара, наливал горячий напиток в блюдечко, потом дул и шумно прихлёбывал.

Настя не стала возражать, хотя насчёт собственной красоты у неё было своё мнение — рыжая, с россыпью мелких веснушек на розовых щёчках, — разве это красота? Но сейчас она подумала о другом. Интересно, что бы сказал добродушный пенсионер, почитающий народные традиции, если бы узнал, что Анастасия Муравьёва прямой потомок тех самых Муравьёвых, в чьём роду появился на свет знаменитый вольнодумец.

Настина бабушка, учительница, в настоящее время находилась на заслуженном отдыхе. Она с гордостью рассказывала внучке о Муравьёвой Александре Григорьевне, урождённой графине Чернышовой, жене декабриста Никиты Михайловича Муравьёва. И надо сказать (без ложной скромности), здесь было

чем гордиться. Идеальный образ жены, последовавшей за мужем-изгнанником в Сибирь, воспетый Некрасовым в поэме «Русские женщины». Ей же была посвящена повесть Бестужева «Шлиссельбургская станция». Умерла она в ссылке в Петровском заводе, оставив дочь Ноннушку. Колос петровского братства расшелушили на зёрна и разбросали по тайге и тундре. Одно из зёрнышек дало всходы и со временем превратилось в Настасью Петровну Муравьёву. Как же ей, наследнице прославленного русского имени, не знать Блока, Цветаеву, Мандельштама — «золотой» серебряный век русской литературы. К тому же не последнюю роль играло и то обстоятельство, что Настя родилась в семье потомственных учителей. Прабабушка преподавала французский в гимназии, бабушка — русский и литературу, мама — английский язык.

Она часто любила повторять: «Будущее произрастает из прошлого», и Настя была согласна с ней. Ради своего будущего трудилась на совесть. Учась в школе, грызла гранит науки, в то время как её сверстницы бегали с вечеринки на вечеринку и меняли приятелей. Однако её нельзя было назвать занудой, у неё были и друзья, и мимолётные увлечения, но времени на всё не хватало. Настя была честолюбива и не скрывала этого. Её честолюбие не было амбициозным и преследовало лишь одну цель — не оказаться в толпе людей с уставшими, безразличными лицами. Наверное, поэтому девушка всё время подстёгивала себя. Призы за первые места по игре на фортепьяно, грамоты на математических и языковых областных олимпиадах и, наконец, золотая медаль по окончании школы. Наивная девочка из забытого богом Нижневартовска считала, что этого более чем достаточно, чтобы управлять своей судьбой.

Тук, тук, тук… — стучали колёса. Тук, тук, тук… — вторило её исполненное энтузиазмом сердце, приближая Настю к заветной цели.

Глава 2

ЗНАКОМСТВО С МОСКВОЙ

Ярославский вокзал оглушил девушку гулом, запахами, суетой. Народ, нагруженный тюками, чемоданами и прочим скарбом, сновал во всех направлениях, не замечая её растерянности. Впрочем, в толпе находилось немало счастливчиков из числа тех, кто этим ранним утром покинул свою тёплую постель и теперь спешил на работу.

Жить в Москве, быть её неотъемлемой частью — тайная, долго лелеемая

мечта юной сибирячки. «Держись, столица, держись, старушка! Я, девушка из глубинки, приехала тебя завоёвывать!» Пребывая в таком приподнятом настроении, Настя жадно впитывала в себя первые впечатления.

— Ну что встала на дороге! Время, девонька, деньги, — услышала она ворчливый мужской голос и сразу же поняла, что Москва преподала ей первый наглядный урок: хочешь чего-нибудь добиться, пошевеливайся!

Настя подхватила вещи и двинулась вместе со всеми к выходу на Комсомольскую площадь. Она добралась до главного корпуса МГУ всего лишь за час. А к обеду уже устраивалась на новом месте, в одной из комнат общежития. Словоохотливая комендантша деловито сообщила, что ей предоставлено «койко-место на период вступительных экзаменов, а там видно будет».

Комнатка оказалась маленькой, похожей на больничную палату. В ней стояли две узкие деревянные кровати с придвинутыми к ним тумбочками. В углу, в нише, приютился платяной шкаф, где уже висели чьи-то симпатичные вещички. Туда же Настя пристроила свои платья, кофточки, модные выходные брюки и пару туфель. Сама, как всегда, осталась в джинсах и в удобных кроссовках «Рибок», только сменила майку. Потом она присела на кровать, очистила купленный по дороге банан, откусила его и поздравила себя с невероятной удачей. Пока шла по коридору, слышала такой гвалт в других комнатах. А здесь — тихо-тихо. Почти райские условия для подготовки к экзаменам. И хотя у неё кружилась голова и болели плечи от рюкзака, Настя отправилась в столовую подкрепиться, а затем на ближайший переговорный пункт, сообщить родителям, что благополучно добралась и хорошо устроилась.

Ближе к вечеру объявилась соседка, бойкая тоненькая Ирина. Ослепительная блондинка в мини-юбке и футболке с надписью «ол райт» сразу же взяла её в оборот.

— Наконец-то и меня укомплектовали, — заявила она. — Я, между прочим, из Курска. Собираюсь поступать на филологический, отделение «Прикладная лингвистика». Общага — это временно. Если сдам экзамены, заставлю родителей раскошелиться на квартиру. Всего-то двести долларов в месяц, а если найду соседку, то и того меньше.

— А если не сдашь, что будешь делать? — поинтересовалась Настя.

— Покручусь в Москве с месячишко и отправлюсь восвояси. Я уже в том году приезжала поступать вместе с подругой. Юльку приняли, она теперь строит из себя москвичку, даже мальчика крутого завела, а меня зарубили на устном русском. Представляешь, один дотошный лысый пристал с вопросом: «труп» и «покойник» — кто из них является одушевлённым именем существительным,

а кто — нет?» По мне что труп, что покойник — один хрен, а этот некрофил настаивает на своём. Ну я и брякнула наугад — труп, ведь есть же у Толстого «Живой труп», а оказался — покойник. Невезуха.

Невезуха! Если бы Настю спросили об этом, она бы «выбрала покойника», потому что знала простую истину: одушевлённые имена существительные в винительном падеже изменяют свои окончания. Вижу «кого, что?» — труп. Вижу «кого, что?» — покойника. Вот и вся невезуха.

— Но за этот год я поработала в газете, — увлечённо продолжала свой рассказ Ира, — напечатала парочку работ, подучила на курсах английский и русский, так что теперь мои шансы резко возросли. А что у тебя?

Настя рассказала, что у неё. И очень удивилась, что эта болтовня далась ей легко, она даже упомянула вскользь про свой дворянский род. Видно, московское солнышко так припекло, что жутко захотелось хоть чем-нибудь отличиться (выделиться).

— Не дрейфь, Настасья, прорвёмся, хоть и конкурс в этом году… — Ира присвистнула. — Ой, я с тобой заболталась! — воскликнула она, посмотрев на часики. — Скоро появятся Юлька с Игорем и мой Вадик. Он у меня темпераментный, южная кровь играет. Мы собираемся прогуляться, а я совсем не готова. Хочешь с нами? Компания соберётся человек восемь-десять. Ближе к ночи отправимся на дискотеку, потанцевать.

Могла ли Настя устоять перед таким соблазном. Одиночество страшило, вечер за учебниками казался до обидного скучным, ведь всего лишь в двух шагах сверкают и переливаются неоновые огни шикарных витрин, с отражающимися в них иномарками. Ей так хотелось всё рассмотреть, потрогать, попробовать наконец на вкус столичную жизнь, что она, не раздумывая, согласилась.

— Зачем ты её притащила? — спросила Юля свою школьную подругу Иру Воронину пару часов спустя.

Она наблюдала, как Игорь танцует медленный танец с бойкой провинциалочкой и с таким видом, будто ему только что предложили мисс Европы на всю ночь.

— Да брось, — отмахнулась Ира, попивая колу из запотевшей банки. — Нормальная девчонка. Даже не знает, что такое «гриндерсы». Надо приобщить её хоть немного к цивилизации. Ты представляешь себе, где этот Нижневартовск? Она рассказывала, что рядом с их городишком находится стойбище, где разводят оленей. Она даже каталась на этих рогатых. С ума можно сойти от северной экзотики.

— С ума можно сойти от того, как Игорь поглядывает на неё, — не унима-

лась Юля.

— Она тебе не соперница, — поспешила успокоить подругу Ира.

Её бывшая одноклассница была настоящей красавицей. Стервой, но красавицей. Короткая стрижка, чёрные жёсткие волосы, синие мерцающие глаза и потрясающая фигура, притом обладающая инстинктами Шэрон Стоун. Так, во всяком случае, утверждал Игорь, её двадцатитрехлетний дружок, и у Ирины не было причин ему не верить.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво ответила Юля, погасив сигарету. — Если её приодеть и по-человечески накрасить, мы с тобой, подружка, ей и в подмётки не сгодимся.

Ира посмотрела на нижневартовское чудо компетентными глазами Юли. А ведь она права. Если надеть на эту рыжеволосую весталку с изумрудными глазами платьице от Диора вместо её немыслимого ширпотреба и научить пользоваться косметикой в соответствии с мировыми стандартами, то может получиться очень даже привлекательный экземпляр. И о чём, интересно, думает Игорек, пришло Ире на ум, когда она заметила, как он наклонил голову, чтобы расслышать то, что говорит ему Настя.

Прижимая к себе гибкое тело и вдыхая лёгкий аромат простеньких цветочных духов, Игорь думал о том же. Его нынешняя пассия, окутанная призывным «Пуазоном», не выдерживает конкуренции рядом с этой сексуальной невинностью. Огненный цвет волос чего стоит, а тут ещё и открытый восторженный взгляд, и превосходный бюст, полный второй номер. В последнем он толк понимал. Так уж случилось, что первый юношеский опыт пробудил в нём ненасытный вкус к сексу, ему тогда только-только исполнилось семнадцать лет, его постельной учительнице было не меньше тридцати. С тех пор многое изменилось. Он стал старше, и его партнёрши заметно помолодели. Эта юная девушка в джинсах, простенькой кофточке, с лицом без косметики, привлекла его внимание с первой секунды и вызвала смутное желание отшлифовать таёжный алмаз для себя. На протяжении всего вечера это чувство не исчезало, наоборот, крепло и набирало силу. Вывод напрашивался сам собой — он захотел Настеньку Муравьёву, и он получит её, а время и место не имеют большого значения. Когда было нужно, Игорь умел быть терпеливым.

Разбирая кровать в начале первого, Ира поинтересовалась:

— Ну как впечатления от первого дня?

— Чудесно! — радостно откликнулась Настя, тайком разглядывая чёрные тонкие кружева и атлас на белоснежном теле подруги. На ней самой была ночная батистовая рубашка ниже колен, застёгивающаяся на груди пластмассовы-

ми пуговицами. — Мне всё понравилось. И катание в парке Горького на американских горках, и кафе в Нескучном саду, и дискотека. Но завтра я засяду за книги, начну готовиться к экзаменам.

— Заниматься лучше в библиотеке, — посоветовала Ира, снимая бюстгальтер и залезая на кровать в символических трусиках. Байковое казённое одеяло она проигнорировала. В Москве стояла невероятная жара. Ира подложила руку под голову и повернулась к Насте. — Слушай, а о чём это вы шептались с Игорем?

— Тебе показалось. Просто музыка была слишком громкой, и мы с трудом понимали друг друга. Игорь спросил меня, была ли я в Москве до этого. Я ответила, что была, года четыре назад, когда папа приезжал в министерство выколачивать фонды.

— А кем папа трудится? — живо поинтересовалась Ира.

— Главным инженером горнорудного комбината.

— Неплохо звучит.

— Вот именно — звучит неплохо, — усмехнулась Настя, чувствуя, как тонкий батист приклеивается к её вспотевшему от жары телу. Ей тоже захотелось сбросить рубашку и улечься голышом, но, к несчастью, она постеснялась и ограничилась тем, что откинула одеяло к ногам. Стало легче. — На самом деле эта должность невероятных доходов не приносит. Наш прославленный когда-то монстр чахнет на глазах. Трубы едва дымят, зарплата выплачивается раз в полгода. Вот папа и мотается в столицу. В последний раз я упросила его взять меня с собой. С тех пор и заболела Москвой. — Она мечтательно прикрыла глаза, уносясь в воспоминания. — Мы слушали в Большом «Тоску», были на экскурсии в Кремле, прокатились на автобусе по Золотому кольцу. Мне так хотелось попасть на «Юнону и Авось» в Ленком, но нам не удалось достать билеты.

— Это и сейчас проблема, — сообщила Ирина. — Удивительно! В кассе табличка «билетов нет», а возле театра их распространяют сотнями, но цены запредельные.

— Вот об этом мы и говорили. Игорь обещал устроить билеты по нормальной цене, как только откроется театральный сезон, переплачивать втридорога мне не по карману.

Как же, по нормальной цене! Да никогда в жизни Игорек не будет вставать в очередь, не его стиль. Купит билеты у того же перекупщика за бешеные бабки. Да ещё выберет лучшие места, чтобы пустить пыль в глаза. Но, видно, ему очень хочется культурно развлечься в обществе Насти, раз он наплёл ей с три короба. И главное, она, провинциальная дурочка, верит. Пару секунд Ирина

размышляла, не посвятить ли соседку в некоторые нюансы московской жизни, но потом решила, пусть сама во всём разбирается.

— Ну ладно, давай спать, — подвела она итог мучительным «надо — не надо».

Засыпая, каждая из девушек думала о своём.

«Не зря Юлечка волновалась насчёт верности Игорька. Надо не забыть просветить её насчёт театрального пассажа».

«Как только смогу, куплю себе такой же чёрный кружевной гарнитур, как у Иры».

Глава 3

МОСКОВСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

— Чистое бельё, девочки! — крикнула Степанида Петровна голосом, напоминающим пароходный гудок.

Кастелянша чувствовала себя хозяйкой студенческой общаги и поэтому не церемонилась. Всё правильно. Прошла неделя, и всем выдавали чистое постельное бельё, за которое она заплатила залог в 200 рублей. Настя вспомнила короткий диалог между ней и Степанидой Петровной.

— Да за такие деньги у нас в Нижневартовске можно купить два новых комплекта постельного белья.

— Нет денег, давай паспорт, — невозмутимо отозвалась кастелянша.

— Но мне нужен паспорт.

— А мне нужен залог. Да не волнуйся ты так. Когда соберёшься уезжать, получишь назад свои рубли. Считай, что положила их в беспроцентный банк.

Она была убеждена, что Настя не поступит, и впервые в душу девушки закралось сомнение — а вдруг и правда провалюсь?! Но она тут же обругала себя за слабину и выложила на стол четыре купюры по пятьдесят рублей.

Деньги уплывали из заветного кошелька со страшной скоростью. Настя надеялась, что ей удастся дотянуть до первой стипендии, не залезая в карман родителей, однако жизнь в столице оказалась безумно дорога, а ей так надоело считать и экономить.

— Ты сейчас заниматься? — спросила Ира.

— Да, в читальный зал. Только перекушу вначале, — ответила Настя, наблюдая, как Ира натягивает на себя узенькое платье без рукавов.

— И когда явишься?

— Часов в шесть. А ты куда?

— Ну вот, кудакнула на дорожку, — раздражённо заметила Ирина. — У меня тоже есть дела. Я присмотрела себе спонсора, иду на переговоры.

— А зачем тебе спонсор? — удивилась Настя. У неё промелькнула мысль, что выбор «переговорного» платья сделан весьма неудачно — слишком откровенное, слишком нарядное, в общем — не деловое.

— На всякий случай. Вдруг не поступлю, тогда фирма оплатит мою учёбу.

Об этом Настя слышала, и не раз.

— Но ведь придётся отрабатывать, становиться рабой на целых три года, — сказала она.

— Я уже сегодня начну отрабатывать, — беззаботно пошутила Ира, подводя губы перед зеркалом.

Она покосилась на подружку. Наивный ребёнок! Абсолютно не понимает, «как» она будет трудиться средь бела дня. А наверное, замечательно быть такой неиспорченной.

— Значит, до вечера? — спросила Ирина.

— Да, — ответила Настя, скручивая волосы в тугой пучок.

Первый день в столице определил её распорядок на следующие недели. Днём Настя занималась в библиотеке, обложившись учебниками, зачастую забывая пообедать, вечером отправлялась «узнавать» Москву в компании новых друзей. Душой компании была великолепная четвёрка, Юля с Игорем и Ира с Вадиком. Остальные лица менялись, как картинки в калейдоскопе. Сегодня это приятели из высшей экономической школы, завтра — из ГИТИСа, послезавтра ещё откуда-нибудь. Студентов в Москве оказалось великое множество, знакомых у Игоря и Юли — и того больше. Настя не любила быть нахлебницей и старалась не развлекаться за чужой счёт, да и экзамены приближались, так что веселиться было некогда. Однако сегодня она при всём своём желании не смогла отказаться от предложения Игоря. В столице шумел XXIII Московский международный кинофестиваль. Из Голливуда прилетел сам Джек Николсон с Шоном Пенном. Игорь достал шесть билетов в Киноцентр, где должен был демонстрироваться итальянский фильм «Ночная жизнь». Об этой картине говорили и писали как о главном событии фестиваля. Сопровождающим (смешное слово, что-то вроде конвоира) Насти должен был стать какой-то Алик из театрального училища.

В половине шестого она сдала книги в читальном зале и отправилась в об-

щежитие. С завтрашнего дня все развлечения отменяются, потому что остаётся три дня до первого экзамена — письменной математики. Если Настя сдаст её на пять, то станет абитуриенткой раньше других. Экзамен её не волновал, нет, то есть волновал, конечно, но в эту минуту её больше беспокоил вопрос, что надеть на этот долгожданный вечер. Выбор был невелик — выходные брюки с серебристым топиком или выпускное платье, которое в Нижневартовске казалось великолепным, а здесь вдруг превратилось в скромное и бесцветное. Погружённая в грустные мысли о скудном гардеробе, Настя толкнула дверь в комнату и замерла от неожиданности. Кровать соседки была занята Юлей и Игорем. Одна нога Юли в прозрачном чёрном чулке устремилась в потолок и, подобно натянутой стреле, покоилась на плече Игоря, другая — согнута в колене и развёрнута под неимоверным углом. Упругие мужские бёдра, расположившиеся меж женских ножек, напрягались и двигались синхронно вздохам и всхлипам. Кровь прилила к лицу, когда до Насти дошло, чем они занимаются и чем занимается она сама. Девушка осторожно отступила и прикрыла дверь.

«Дам этим акробатам покувыркаться на Иркином батуте ещё минут двадцать. Наверняка соседка предупредила их, что мы вернёмся к шести часам, — подумала Настя, а потом её мысли перескочили на другое, — интересно, понравилось бы ей заниматься любовью?» Весь её сексуальный опыт ограничивался несколькими поцелуями со сверстниками. Правда, один из них — Андрюша, оказался шустрым малым, но, быстро сообразив, что Настя настроена на серьёзный роман, а не на минутное развлечение в постели, сразу же дал задний ход.

…Фильм, на который все так рвались, не произвёл на Настю впечатления. Просидев два часа в ожидании чуда, она убедилась в одном — среди режиссёров нет и не может быть второго Феллини. Зажёгся свет. Ни единой слезинки на лице. Нет! Это не «Ночи Кабирии».

Обмениваясь отдельными фразами, компания вслед за толпой вышла в холл, где уже были накрыты для фуршета столы. Ира с Вадиком пошушукались и куда-то пропали. Алик с Настей шли впереди, Игорь с Юлей чуть сзади. Настин спутник страстно уверял её, что у этой ленты большое будущее. Она не спорила, зная, что всё равно каждый из них останется при своём мнении, и предпочитала разглядывать пёструю публику.

— Игорь, а ты что так глубокомысленно молчишь? — внезапно спросила Юля. — Тебе фильм понравился?

— Мелодрама не мой жанр. И вообще, ты же знаешь, что я поклонник

американского кино. На экране всё должно быть легко, поверхностно, без особой психологии. А сложностей… их хватает и в жизни.

Бросая хлёсткие фразы, Игорь подвёл компанию к столу, где возвышались хрустальные фужеры с искрящимся напитком.

— Вы тут наслаждайтесь шампанским, а мне надо кое с кем перебросить-ся парой слов, — сказал он и направился в гущу толпы, рассекая её подобно крейсеру, бороздящему нейтральные воды.

Взгляд Насти проводил его ладную фигуру в вечернем костюме, как вдруг она увидела улыбающегося Олега Янковского. Он был окружён небольшой группкой поклонниц и раздавал автографы.

— Это Янковский? — спросила она, не веря своим глазам.

— Он самый, мэтр и опора российского искусства, — ответил Алик, опорожняя очередной фужер напитка богов. — А вон там, — он указал в другую сторону, — звёзды российских телесериалов. Певцов со своей жёнушкой Дроздовой. «Бандитский Петербург» видела?

— Да.

У Насти закружилась голова от количества знаменитостей, стоящих буквально в двух шагах от неё, простой сибирской девчонки. Что будет с Нижневартовском, когда там об этом узнают!

— А теперь посмотри, с кем разговаривает наш Игорек. Да нет, возле дверей в зал ресторана, левее, — зашептала Юля, — где охранники в униформах.

Точно подмечено, в униформах — малиновые пиджаки, чёрные брюки и одинаковые, бесстрастные лица. Наконец Настя разглядела Игоря, разговаривающего с восходящей звездой шоу-бизнеса. Будто почувствовав, что разговор идёт о нём, Игорь повернул голову и улыбнулся. Улыбнулся почему-то ей. Совершенно не к месту Настя вспомнила недавнюю сцену, невольной свидетельницей которой стала несколько часов назад, и стрельнула глазами в сторону Юли.

— Ты его сильно любишь?

— Люблю? — удивилась Юля. Она демонстративно рассмеялась и закурила. — Я мало что в этом понимаю, а он и подавно. — Малиновые губки скривились, выпуская струйку дыма. — Но мы нужны друг другу, с ним приятно проводить время, да ты, наверное, и сама это оценила.

— Да, он душа любой компании, — охотно согласилась Настя. — Слушай, а откуда у Игоря дорогая машина, деньги на развлечения? — наивно спросила она, наблюдая, как к ним, выискивая свободные островки в пространстве, пробираются Ира с Вадиком.

Этот вопрос не давал ей покоя. Когда Игорь был с ними, он почти всегда сам оплачивал счёт, редко допуская складчину. Она видела, как на той неделе именно он покупал билеты на дискотеку на всю ораву. Выбросить из кармана три тысячи и даже не поморщиться — поневоле задумаешься, откуда у 23-летнего парня такие безграничные возможности.

— Не знаю как у вас в вашем Нижневартовске, а у нас такие вопросы даже близким друзьям задавать не принято, — отрезала Юля, загасила сигарету и направилась к Игорю.

Юля разозлилась не на шутку. Все её старания рухнули. Она специально затащила любовника в постель, чтобы напомнить ему, как она обожает его ласки, а он всё равно косит в сторону этой юной ведьмы.

— Вижу, ты глаз положил на эту провинциальную невинность? — сказала она, когда они остались одни.

— Ревнуешь? — Игорь удивлённо приподнял бровь. Он не мог выносить этой интонации обиженной девочки. Юля хороший помощник, горячая секс-подружка, но в последнее время своей прилипчивостью она действует ему на нервы.

— Глупости. Я только что сказала ей, что нас с тобой связывает неразрывная дружба, — ответила Юля, беря его под руку с видом собственницы.

«Только до тех пор, пока меня это устраивает», — подумал Игорь и поинтересовался:

— А что ещё ты сказала Анастасии?

— Ничего из того, что ей не следует знать.

— Вот и умница. Сама понимаешь, что беречь наши тайны до поры до времени в твоих же интересах. Иначе нечем будет «попудрить носик». — Заметив, что Юля закусила губу, Игорь освободил свою руку. — Извини, мне нужно отлучиться туда, куда дам не пускают.

Никогда нелишне напомнить, кто в доме хозяин. Кокаин, та самая «пудра для носика», к которой Юлечка пристрастилась в последнее время, делала её шёлковой. Он и не толкал очередную подружку на этот путь, но и не останавливал. Каждый сам творец своей судьбы. Игорь после окончания Кооперативного университета мог бы быть менеджером в какой-нибудь престижной фирме, но стал наркодельцом и не жалел об этом. У него на вечеринках можно было получить всё, чего душа пожелает. Купить косячок, таблетку, дозу, позаниматься любовью, потанцевать и послушать «пикантноперечных девок», в быту Spice Girls.

Первый укол или доза «колес» была бесплатной — это как водится у всех

уважающих себя наркодельцов. Попробуй… А когда желающий приходил во второй раз, он уже становился клиентом. А клиент, как известно, должен платить за удовольствие. Были и «благотворительные дозы», не без этого, но они тоже приносили неплохой барыш. Нужно было ему отправиться срочно в Италию — нет проблем — виза, да что там виза, все… всё делали за несколько часов, благодаря папочке подсевшего на иглу клиента-приятеля. Сам Игорь подобными излишествами не баловался, потому что не раз видел, к чему это приводит. И вообще, он был очень осторожным. Работал с проверенными людьми, сам оставаясь при этом в тени. Никому в голову не могло прийти, что он способен наводнить Москву качественным товаром. Даже его близкие приятели думали, что он всего лишь мелкий перекупщик зелья.

Споласкивая руки, Игорь с удовлетворением вглядывался в своё отражение. Тёмные волнистые волосы, правильные черты лица, светло-карие глаза и чувственные губы, последнее наверняка досталось от мамочки, которая бросила его в роддоме. Он не корил её за это. Скитаясь по детдомам, пока его не усыновили вполне состоятельные люди, он понял одно: Бог помогает тем, кто сам может за себя постоять. Внезапно ему захотелось втянуть кокаинчику, совсем чуть-чуть, чтобы поймать кайф, но не одуреть. Вместо этого он отправился к стойке бара и купил огромную коробку конфет.

Вернувшись к столу, Игорь вручил её Насте.

— Это вам, девочки, к чаю. — Заметив недоумённый взгляд нефритовых глаз, терпеливо пояснил: — В общежитии всегда плохо со сладким, а мозг перед экзаменами надо питать.

— Спасибо, — расцвела Настя, принимая коробку.

Никто из присутствующих, как и положено, не усмотрел в этом галантном жесте ничего особенного. А то, что у Юли скулы свело, Игорь и не заметил.

Глава 4

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

«Врут те, кто утверждает, что шоколад вреден для здоровья», — уверяла себя Настя, выбирая среди оставшихся шоколадных фигурок самую большую и красивую, со сливочной начинкой. Она доедала конфеты, подаренные Игорем, в одиночестве и с огромным наслаждением. Игорь ей нравился, но вовсе не так, как иногда намекала Ирина. Соседка отправилась на свидание со своим спонсо-

ром, а она засела за учебники по естествознанию.

Математику Настя написала на четвёрку. Наревелась, разумеется, и принялась готовиться к сочинению. Родители, прорываясь сквозь телефонный треск, уверяли её, что получить четвёрку в МГУ всё равно, что получить шанс слетать на Марс. Но ей от этого легче не становилось. По коридорам упорно ходили слухи, что проходной в этом году на экономическом факультете 17 баллов. Конкурс семь человек на место. После математики осталось четыре. После сочинения — два с половиной. Девушка надеялась на сочинение, за которое получила 5/4. Ей удалось посмотреть свою работу. Над ней сжалилась секретарь декана. Грамматических ошибок не было, но зато было несколько красных галочек на полях, и внизу стояла категоричная приписка: «Не полностью раскрыта тема». Завтра она должна сдавать естествознание. Его она боялась больше всего на свете. Если получит четвёрку, то у неё неплохие шансы стать студенткой, а по окончании университета — бакалавром, если нет… об этом Настя не хотела и думать. Она открыла «Экономику» Азимова и углубилась в экономические дебри.

…Спустя три дня она рыдала на скамейке в скверике, рискуя превратиться, в Ниагарский водопад.

— Настя, что случилось, девочка? Почему такой поток слёз?

Она подняла голову, размазывая солёные реки по щекам.

— Я про-про-провалилась, — сквозь рыдания сумела вымолвить Настя, отворачивая зарёванное лицо.

— Ну, ну, это ещё не трагедия. Это всего лишь неприятность. — Игорь нежно прижал её и почувствовал себя необычайно счастливым. Девочка, о которой он мечтал целый месяц, доверчиво прильнула к его плечу, обильно оросив стодолларовую рубашку горькими слезами.

Он дал ей выплакаться. По опыту знал, что женские слёзы невозможно остановить ни уговорами, ни приказами, они должны иссякнуть сами, как живой источник в пустыне. Спустя пятнадцать минут, в течение которых он продолжал обнимать и поглаживать Настю, судорожные всхлипы прекратились и сменились на тихие, едва различимые вздохи.

«Пора действовать», — решил Игорь. Взяв распухшее личико в свои ладони, он заставил Настю посмотреть ему в глаза.

— А теперь рассказывай по порядку.

— Что рассказывать, и так всё ясно, — нервно зачастила Настя, шмыгая носом. — В три часа перед деканатом вывесили списки поступающих. Меня

среди них нет.

— Ты уверена в этом?

Девушка судорожно сглотнула. Её губы жалобно скривились.

— Я дважды проверяла. Там есть Макашёвы, Мироновы, Муслиновы и ни одной Муравьёвой.

— Возможна ошибка. Ты заходила в деканат?

— Нет, — растерянно произнесла она.

— Немедленно поднимайся. — Игорь развил бурную деятельность. Он схватил Настю за руку и потянул за собой. — Мы сейчас всё выясним. В любом случае это ещё не конец света. Есть платные места.

— Нет! — горько выкрикнула Настя. — Это не для меня, я ведь не миллионерша!

— Всё равно, что-нибудь придумаем, — твёрдо заявил Игорь, оглядываясь на девушку. «До чего же хороша, чёрт её подери! Растрёпана, зарёвана, а выглядит в тысячу раз лучше, чем ухоженные до кончиков ногтей девицы».

Настя покрепче сжала сильную руку. Она была так благодарна Игорю за поддержку. Он появился словно ангел с небес.

Спустя десять минут они вышли из кабинета, где всё ещё печатались списки двоечников.

Настя недобрала балл. Тройка за письменную работу по естествознанию определила её будущее. Ей уделили несколько минут. Всё же медалистка, издалека. Просмотрев её работы, выразили сожаление, а потом предложили попробовать свои силы в следующем году. Посоветовали походить на курсы при университете. Насте ничего другого не оставалось, как согласно кивать головой и благодарить.

— Ну и что теперь? — поинтересовался Игорь, когда они заняли столик в кафе.

Он заказал вина. Девушка не возражала, когда перед ней появился наполненный бокал. Она сделала несколько глотков, ни о чём не думая. Голова была пустая, но появилась тупая боль.

— Почему я? — спросила она, взглянув на Игоря.

— Кто знает ответ на этот вопрос? — философски заметил он. — Брось, не вини себя. Ты умница и обязательно поступишь в следующем году. — Её холодные пальцы утонули в его ладони. — Глотни ещё, тебе станет легче.

Настя послушно отпила из бокала. Действительно, по телу стало разливаться тепло, головная боль отступила.

— Ну вот, руки потеплели, а то были как у покойника, — улыбнулся

Игорь.

Как у покойника. «Невезуха», — вспомнила она слова Иры. Та тоже недобрала балл, но у неё был спонсор. Спустя месяц Настя уже не была столь наивной и поняла, что спонсоры не дают три тысячи долларов на обучение за красивые глазки и им не нужны хорошие мозги через пять лет.

— Так что ты собираешься делать? Уедешь домой?

— Нет, — не задумываясь, ответила Настя. Вернуться домой можно, но что её там ждёт? Сочувствие, понимание и скука. Серая жизнь, от которой она так стремительно убегала. — Нет. Я не вернусь домой.

В голове, приятно закружившейся, зрели новые планы.

— Я найду работу. Сниму комнату. А с осени пойду на курсы. Думаю, родители одобрят, вот только мне совершенно негде приткнуться на первое время. — Настя не заметила, как Игорь подлил ей ещё вина. Она пригубила сладковато-терпкий напиток. — Жаль, что у меня в Москве нет ни дальних родственников, ни знакомых, к которым можно было бы обратиться.

— А я?

— Ты? — в голосе слышалось неподдельное изумление.

— А для чего же нужны друзья, если не для того, чтобы прийти на помощь в нужную минуту. Ты ведь помогла бы мне, — вкрадчиво спросил Игорь, — окажись я в такой ситуации?

Он знал ответ и действовал в верном направлении.

— Конечно, помогла бы.

— Значит, вопрос решён. Я бы пригласил тебя в свою квартиру, но у меня затевается ремонт…

— Подожди, Игорь, — остановила его Настя. — Я не могу жить в твоей однокомнатной квартире, пусть даже и временно, это неудобно.

— Разумеется, неудобно. — Игорь сделал вид, что не понял её намёка. — Поэтому я и приглашаю тебя пожить на подмосковной даче.

— Она твоя?

— Родителей, — трагически произнёс он и подумал, что в нём умер великий актёр.

Он не испытывал огромной любви к людям, усыновившим его. Но был благодарен им за сытую жизнь.

— Игорь, — Настя взмахнула пушистыми ресницами. — А где твои родители?

— Погибли в автокатастрофе три года назад. Я очень их любил, и мне было трудно пережить эту нелепую смерть.

— Господи, какой ужас!

— Я уже вполне оправился от этой потери, хотя сердце иногда щемит, вот так, как сейчас.

Жалость к Игорю захлестнула Настино отзывчивое сердце. По сравнению с услышанным, её нынешние проблемы выглядели совсем ничтожными. Оказывается, за беспечной весёлостью скрывается тонкая ранимая душа, а она считала его никчёмным парнем, опустошающим кошелёк обеспеченных родителей. Это, правда, так и не прояснило ситуацию, откуда у Игоря деньги, но ведь этот вопрос не должен её волновать, не налоговая же она полиция, в самом деле.

— Соглашайся, Настенька, ты окажешь мне огромную услугу.

— Я — тебе?

— Конечно. Так мне приходится мотаться на дачу, чтобы проверить, не обчистили ли её, а ты там будешь практически постоянным жильцом. От Москвы это недалеко. Всего пятьдесят минут на электричке. Дом кирпичный, старинной постройки, семь небольших комнат — четыре внизу и три наверху. Горячая вода, отопление, газ. Я уеду, как только закончится ремонт в квартире. Вся эта дачная зелень и тишина не по мне. А ты останешься, если захочешь, разумеется.

— Не знаю, — неуверенно произнесла Настя.

Ей очень хотелось ухватиться за соблазнительное предложение, но что-то, видимо осторожность, удерживало её от этого шага.

— Ну как хочешь. Я предложил тебе, по-моему, неплохой вариант.

Игорь подозвал официантку, чтобы рассчитаться. Он поступил мудро — не стал давить и настаивать. Настя весьма неглупая и в состоянии понять, что у него свой интерес в этом деле. А время работало на него. Ведь не завтра же она побежит за билетом.

К несчастью девушки, Игорь понимал женскую психологию намного лучше, чем она сама. А Настя подумала: «Что же это я, дурочка, делаю? Лезет в голову всякая ерунда. Зачем ему заманивать на свою дачу неумелую девственницу, когда рядом с ним Юля, на всё готовая красавица Юля по первому его требованию». От этого мысленного словоблудия, а может, от избытка вина, на губах Насти появилась улыбка.

— Знаешь, Игорь, пожалуй, я не против.

— Замечательно, — сказал он, ничем не выказав своей радости.

— Только ты назначишь мне цену за жильё. И объяснишь Юле, что я у тебя всего лишь временная квартирантка.

— Разумеется, — усмехнулся Игорь, думая о том, что теперь он добьётся

желанной цели настолько быстро, что раскаяние за девочкой не угонится.

Спустя три дня Настя Муравьёва, забрав деньги за выстиранное постельное бельё, переехала к Игорю на дачу в Красково. Место было глухое, но живописное. Речка, поля, луга, лес, рядом небольшой посёлок с магазинами и кинотеатром.

Глава 5

ЗАГОРОДНАЯ ЛОВУШКА

Настроение Насти испортилось окончательно. Оказывается, чтобы устроиться на работу в Москве, нужна была хотя бы временная прописка. Конечно, в коммерческий киоск, на оптовую торговую базу или в столовую, посудомойкой, её бы взяли и так, за красивые глазки, но она не была готова к тому.

Девушка вдруг вспомнила утренний разговор с Игорем, перед тем как он оседлал свой серебристый «Вольво» и отправился по делам. Вернее, не вдруг вспомнила, на уровне подсознания её мысли всё время крутились вокруг одного и того же: «Как преодолеть трудности, нарастающие, словно снежный ком».

— Не волнуйся ты так, на вот, съешь конфетку, — уговаривал Игорь, подвигая к ней коробку «Осеннего вальса». — Через пару недель, как только разберусь с ремонтом, займусь твоей временной пропиской. Я нашёл к кому обратиться, чтобы ускорить это дело. Мне обещали оформить бумаги к сентябрю, а пока наслаждайся жизнью и свежим воздухом. Кстати, немалую роль сыграло и то, что ты из бывших дворянок.

— Шутишь? — удивилась Настя.

— Вполне серьёзно. Ты не можешь себе представить, как сейчас это модно. Графский титул, родословная. Наши даже фильм сняли «Принцесса на бобах» называется. Не видела?

— Нет.

— Немного потеряла. Кстати, когда будешь заполнять анкеты для агентств, не забывай указывать в них, что ты из рода тех самых Муравьёвых, — учил он, обильно перча приготовленную Настей яичницу. — А пока я бы на твоём месте подучил компьютер, ну там Word, Foton. Чтобы получить место референта-переводчика в фирме, нужен не только хороший английский, но и знание оргтехники. Ты сможешь заправить факс? Составить деловое письмо? Отправить или принять сообщение? Умеешь обращаться с копировальной техникой? Знаешь

делопроизводство? Печатаешь вслепую со скоростью двести знаков в минуту?

У Насти от обилия специальных вопросов закружилась голова. Из всего перечисленного у неё был приличный английский и умение печатать: вот только скорость существенно отставала и глаза при этом она держала открытыми.

— Я думала об этом. Ещё как думала, — горячо отозвалась она. — Конечно, для того чтобы устроиться на курсы, прописка не нужна, но нужны деньги. Получается замкнутый круг. Я не могу найти работу, не окончив курсы, и я не могу позволить себе курсы, пока не найду работу. И что тогда делать с подготовительными курсами в университете? Получается, что я везде пролетаю.

— Деньги не проблема.

В который раз Игорь предлагал ей свою помощь. Она и так больше двух недель живёт у него на всём готовом. Он не берёт с неё денег за питание, отшучиваясь, что она ест как птичка, убирает дом и готовит обед.

— Не могу же я одалживаться у тебя вечно?

— Глупости, — засмеялся Игорь. — Сколько стоят курсы со всей этой ерундой? — Он отложил вилку и сыто потянулся. — Ну максимум триста-четыреста долларов. Разве это деньги? Всего лишь средняя зарплата, которую предлагает уважающий себя работодатель. Так что бери и не раздумывай. Я могу подождать, не последние тебе отдаю. — Игорь полез в карман за бумажником.

Точно, не последние. Любопытные глаза Насти сами заглянули в раскрытый кошелёк. Увесистая пачка конвертируемой во всём мире валюты не потеряла своей формы и не утратила своей привлекательности, когда Игорь вытянул из неё несколько хрустящих зелёных купюр.

— Но здесь больше. — Девушка держала в руках целое состояние — 500 долларов.

— Пусть будет. Пригодятся на мелкие расходы, — величественным жестом отмахнулся Игорь. — У меня к тебе просьба, Настенька. Я собираюсь в эти выходные устроить вечеринку. Поможешь всё организовать?

— Какие разговоры!

Настя просто рвалась отблагодарить хоть чем-нибудь такого доброго и отзывчивого парня. Игорь вёл себя с ней так корректно, что ей стало стыдно за свою подозрительность. Он привёз её в дом на серебристом «Вольво», показал её комнату на втором этаже и после этого предоставил самой себе. Она быстро освоила кухню, прошлась по заросшему саду и прогулялась по окрестностям. В общем, они с Игорем ладили. Но всё же Настя не могла дождаться того дня, когда закончится косметический ремонт в его однокомнатной квартире, и он уедет обратно в Москву. Чувствовала она себя с ним неуютно, особенно по вечерам,

когда они оставались одни в большом, богато обустроенном доме. А недавно к ней заглянула одна из местных лазутчиц пожилого возраста.

— Кем же ты ему будешь, касатка? — расспрашивала бабулька, оказавшись за калиткой под предлогом продажи парного молока от её родимой Зорьки.

Настя не знала, что ответить. Не будет же она рассказывать первой встречной о своих трудностях и о том, что нашёлся человек, который предложил ей свою бескорыстную помощь. Но бабулька не отставала:

— Игорек наш никогда не поселял у себя девушек. Они все больше повеселятся здесь и обратно в Москву. А ты вон сколько живёшь и он всё при тебе, да при тебе…

Когда Игорь услышал её рассказ, пошутил: «Сказала бы, что ты моя молодая жена». «Мне как-то в голову не пришёл этот вариант, — ответила Настя. — Я сказала любопытной старушке, что я твоя дальняя родственница, приехала погостить из Сибири». «Годится», — согласился Игорь и больше этот вопрос не обсуждался.

Настя смотрела девятичасовые новости по ОРТ, когда за окнами раздались короткие автомобильные гудки.

Она приглушила звук и вышла встретить Игоря. На небе догорали последние всполохи солнечного июльского дня. Вековые сосны отбрасывали причудливые тени на прогретую землю. Вдалеке, у извилистой речки, стелился туман. Природу Настя любила и понимала, но её тянуло в Москву. Та по-прежнему оставалась для неё таинственной незнакомкой.

— Это тебе, — сказал Игорь, протягивая пять белоснежных роз.

— Спасибо, — Настя освоилась с подобного рода подношениями и принимала их как должное. Игорь часто дарил ей цветы. Приятно, воспитанно, немного чопорно…

Он обошёл машину и стал выгружать пластиковые пакеты из супермаркета, нагруженные деликатесами, обладающими удивительной способностью вызывать обильную слюну. Настя разглядела балык, банки икры и тонко нарезанную сырокопчёную грудинку.

— А сколько же будет человек? — заволновалась она, неужели ей придётся готовить, по меньшей мере, на взвод крепких десантников, способных умять за вечер недельный запас продуктов.

— Человек десять-двенадцать, не больше.

— Юля приедет? — почему-то спросила она. За всё это время Юля ни разу и не появилась у Игоря на даче.

— Приедет, — Игорь посмотрел на неё с улыбкой, будто прочитал её мысли. — И Ира приедет со своим Вадиком, — сказал он, вываливая пакеты на кухне возле холодильника. — Ты тут разложи всё по полкам, а я отнесу вино и шампанское в подвал, там попрохладнее.

Игорь спустился в подвал, поставил на полки бутылки и только после этого открыл тайник. Вот то, ради чего он совершил сегодняшнюю поездку в Москву. 78 контейнеров с героином общим весом 962 грамма с любовью и заботой были уложены в специально приготовленное для этого место.

Игорь взвесил на руке один из пакетиков.

— Если грамм сейчас идёт по 40 долларов, то получается…

— Что это у тебя?

Игорь растерялся от неожиданности. Он увлёкся подсчётами настолько, что не услышал ни открывающейся двери, ни звука шагов, спускающихся по деревянным ступенькам. «Идиот», — обругал он себя за беспечность и обернулся. Настя смотрела на него по-детски удивлёнными глазами.

— Это? Яд для крыс, — нашёлся Игорь и небрежно стал складывать бесценный груз с героином на место. — Их в этом году такое нашествие, что пришлось купить отраву.

— А зачем так много?

— Разве много? — наивно удивился Игорь, оглядывая своё богатство. — Мне сказали, чем больше насыпешь этой дряни, тем лучше будет результат.

Он подтолкнул Настю к лестнице и мягко, но настойчиво стал подниматься вместе с ней по ступенькам, думая о том, что чуть позже ему придётся вернуться и заложить кирпичами глубокую благоустроенную нишу, чтобы спрятать её от любопытных взоров.

— А разве крысиный яд надо сыпать, а не разводить в воде? — не унималась святая простота.

— Да, да. Я так и сделаю, когда до этого дойдут руки. Там есть подробная инструкция. — Игорь воспользовался моментом и ненавязчиво переместил ладонь на плавную округлость бедра.

— Я тебе помогу. — Настя дёрнулась и ускорила шаг. Игорь тактично убрал руку.

— Естественно. Но только займёмся этим после вечеринки. И знаешь что? Если тебе не трудно, приготовь к столу сырное суфле. Как ты его, кстати, делаешь? Может быть, что-то нужно докупить, ну там сливки, особый сорт сыра?..

Этого гастрономического уточнения оказалось достаточно, чтобы отвлечь девушку от грызунов и сосредоточить её внимание на предстоящих хлопотах.

Игорь еле сдерживал себя. Сырное суфле оказалось превосходным, шампанское охлаждённым, но какой чёрт дёрнул его устроить эту вечеринку на даче? Анастасия беззаботно предавалась веселью. Он ничего не имел против, если бы она развлекалась в его обществе. Но она танцевала третий танец подряд с хлыщом Аликом из «Щепки», и её рыжие волосы метались по плечам, словно шёлковые всполохи огня, доводя Игоря до исступления. Спрашивается, ради чего он так терпеливо ждёт окончания конфетно-букетной стадии, если нижневартовская леди весь вечер не обращает на него должного внимания?

— Игорь!

— Не сейчас, — отмахнулся он от Юли.

— Но ребята хотят покурить травку. Естественно, хотят. Он сам тщательно отбирал участников таких вечеринок. Его сластолюбцы-гости должны быть богатыми и чуть легкомысленными. Всё, что требовалось от него, — это править бал твёрдой рукой, не забывая надеть мягкую перчатку.

— А ты что, не знаешь, что делать? — Чувственные губы презрительно скривились. — Дай им то, что они хотят, — распорядился он и отправился в кабинет.

Игорь открыл ящик письменного стола, вытащил маленькую коробочку. Набрал в стеклянную трубочку белого порошка и поднёс его к ноздре, прикрывая пальцем другую. В последнее время многие стали курить коки, но он отдавал предпочтение старому способу. Кокаин ворвался в его голову, как фейерверк: перед глазами заметались цветные огни, по венам побежала кровь. Чуть позже он проделал эту же процедуру с другой ноздрей, и почувствовал, будто отправляется путешествовать в рай. Внизу раздавались радостные возгласы, но они его не волновали, у него намечался собственный праздник.

Настя краем глаза заметила, как Игорь вышел из комнаты. Ей показалось, что он чем-то недоволен. Возможно, поссорился с Юлей. Она весь вечер сама не своя — то курит, то пьёт, то нервно смеётся. Впрочем, Настя не осуждала подружку Игоря, потому что, к стыду своему, была очень даже навеселе от двух бокалов шампанского. Никогда в жизни она так не расслаблялась. Оказывается, танцевать чарльстон — увлекательное занятие, но после какофонии звуков и темпераментных объятий Алика ей захотелось выйти на свежий воздух, чтобы немного отдышаться.

Терраса встретила её благодатной прохладой. Какое-то время девушка переводила дух, вдыхая сладкий аромат клевера, любуясь подмосковной ночью. Её окружало небо, усеянное яркими звёздами, запущенный сад был полон кри-

ками ночных птиц, внизу петляла узкая ленточка серебристой глади, и ноги сами понесли её по тропинке, ведущей к речке.

Насти не было с полчаса, может, чуть больше. Когда она вернулась в комнату, то застала там картину, похожую на сцену из порнофильма. Ей показалось, что она вошла не в тот дом, который покинула с беззаботной улыбкой на устах. Игоря и Юли нигде не было. Ира почти обнажённая лежала на коленях у Вадика, они целовались, не обращая внимания на остальных. Да и другие гости вели себя не менее раскованно. И тут неизвестно откуда к ошалевшей Насте подошёл Алик. В уголке рта у него висела сигарета, которую он не потрудился вынуть, обращаясь к ней.

— Куда это ты пропала?

— Выходила на воздух, — ответила она ледяным тоном, решив побыстрее уйти наверх в свою комнату. Такой праздник души и тела не для неё.

— Подожди, — остановил её студент.

Настя посмотрела на него. Странные глаза, какие-то затуманенные и речь ленивая. Перепил, что ли?

— Алик, тебе лучше прилечь где-нибудь, — посоветовала она, освобождая свою руку.

— Дельная мысль. — Он отлепил слюнявый окурок от губы и протянул ей: — На, затянись пару раз.

— Зачем? — недоумённо спросила Настя, стараясь не смотреть на Иру, игриво барахтающуюся с Вадиком на тахте.

— Кайф поймаешь перед тем, как мы приляжем. Сама же предложила.

— Я не собираюсь с тобой… — И тут до сознания девушки дошёл смысл брошенной с ухмылочкой фразы. — Что значит, кайф поймаешь?

— Ты что, маленькая? — Подёрнутые дымкой глаза уставились на неё с непониманием. — Это же первосортная марихуана. Уже уплачено. Угощаю.

Настя отступила к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Уплачено? Кому?

— Кому? — криво усмехнулся Алик, последовав за ней. — Конечно, твоему хозяину. Он босс. Так ты будешь тянуть дурь или нет?

— Нет и тебе не советую, — сказала Настя. Теперь ей стало ясно многое. Вот откуда деньги. Вот какой порошок для крыс прячет её хозяин в подвале. Её хозяин! И хозяин всей этой компании благополучных хлыщей. Настю передёрнуло. Куда же это её занесло вместе со своей безграничной доверчивостью. Она стала подниматься по лестнице. Решение, как поступить, пришло мгновенно.

— Ой, ой, какие мы правильные, — услышала она доносившееся вслед

нытьё, но даже не обернулась.

Настя металась по комнате, складывая свой скарб в дорожную сумку. Неожиданно распахнулась дверь.

— Чем это ты занимаешься?

— Собираю вещи, — ответила она, не оборачиваясь. — Я ухожу, Игорь. Мне не нравится…

— Что тебе нравится, а что не нравится — дело твоё, — перебил он свистящим шёпотом, — но решать, когда тебе уйти, буду я.

— Ты? — Настя обернулась и тут до неё дошло, что Игорь то ли пьян, то ли, как все, обкурился дряни. Разум подсказывал ей быть осторожной. — Не слишком ли ты много на себя берёшь? Тоже мне, Бог.

Игорь с силой захлопнул дверь.

— Бог не Бог, а ты мне кое-что задолжала.

— Я тебе ничего не должна, кроме твоих денег. — Настя положила деньги на край тумбочки. — Вот они, твои 500 долларов. Забирай.

— Зачем мне эти бумажки, когда рядом такое роскошное тело. — Тяжело дыша, он двинулся на неё, глядя безумными, остекленевшими глазами. — Ты думаешь, я занимался благотворительностью всё это время? Нет, я вкладывал в тебя капитал, чтобы получить дивиденды. Пришла пора снимать сливки.

Вот когда Настя почувствовала страх. Самый настоящий смертельный страх. Душа её ушла в пятки, но мозг, как ни странно, продолжал чётко работать: «Дура! Ну, дура, и есть! Ладно! Это потом ты будешь корить себя за доверчивость и наивность, а сейчас тебе во что бы то ни стало надо прорваться к двери — она не закрыта на ключ, выскочить, и вниз по ступенькам! Там, откуда сейчас несётся беснующийся рок, там — свобода для тебя!»

Не раздумывая больше ни секунды, она, сделав обманное движение, бросилась к желанной цели. Игорь перехватил её на полпути и бесцеремонно швырнул на кровать.

— Не так быстро, девочка!

Настя изворачивалась, пиналась, даже пыталась пустить в ход ногти, но Игорь без труда подавил её сопротивление. Он навалился на неё всей тяжестью, подмял под себя так, что трудно стало дышать. Настойчивые руки ухватили её за юбку и резким движением задрали подол.

— Помогите! — успела крикнуть Настя, понимая, что теперь уже надо спасать не гордость, а себя. Насильник заткнул ей рот жёстким поцелуем, стянул в кулак её хлопковые трусики и резко дёрнул их. Послышался треск разрываемой ткани. Настя задыхалась от слюнявого языка у себя во рту, старалась

избавиться от жадных пальцев, шаривших у неё между ног, но силы были не равны.

— Не брыкайся, идиотка, тебе же хуже будет, — прохрипел он ей в ухо, зажимая распухшие губы своей рукой.

Понимая, что это её последний шанс, она из последних сил впилась в ладонь зубами и, почувствовав свободу, завопила что было мочи. Оглушительная затрещина по лицу на некоторое время лишила её возможности бороться и соображать. А когда она очнулась — было поздно. Резкая боль пронзила её тело. Провалившись в бесконечную пустоту отчаяния, Настя перестала сопротивляться. Ей казалось, что всё это происходит не с ней, что это не её тело терзают мощные резкие толчки, что это не над её ухом раздаются стоны и хрипы. Чувства исчезли, атрофировались, да она и не позволяла себе чувствовать. Вскоре боль вернётся, и душевная боль будет намного мучительнее, чем физическая. А пока ей надо пережить одну минуту, потом другую, третью…

Юля отправилась наверх к Игорю, чтобы получить свою долю кайфа. В конце концов, она была само послушание весь этот вечер: не мешала ему развлекать нижневартовскую девицу интеллектуальной беседой, притащила парочку новых проверенных клиентов, обслужила всех желающих гостей первосортной травкой, что ещё ему нужно от неё? Секс, чтобы выпустить пар? Пожалуйста. Она всегда «за», вот только пусть сначала даст ей кратковременный пропуск в рай.

— Не беспокой Игорька, не надо.

Вадик перегородил ей дорогу, ухватившись за поручень лестницы.

— Это ещё почему? — Юля постаралась сбросить руку, удерживающую её.

— Потому что сейчас босс занят с Настей. — Приятель Игоря пьяно ухмыльнулся. — Забавляются в её комнате по полной программе, поверь мне на слово.

— Вот оно что? — Она упёрлась рукой в бок. — Значит, не я одна обманута.

— Ну и что это значит?

— Это значит, что твоя Ирочка тоже развлекает спонсоров, чтобы зацепиться за Москву.

— А ты не врёшь? — протрезвел Вадик.

— Этот вопрос не ко мне.

Спускаясь по лестнице, Юля чувствовала некоторую досаду. Быстро же ей подыскали замену для постельных утех, впрочем, она не сомневалась в намерениях Игоря с той самой минуты, как он притащил эту провинциалочку к себе на дачу. Разумеется, портить себе из-за этого жизнь Юля не собиралась, но и просто вычеркнуть из памяти то, что произошло, не могла. Игорь надолго запомнит эту ночь. Он думает, что ей неизвестен тот тайник в подвале и его недавно пополненные запасы. Он ошибается. Этот трах-бах обойдётся ему в несколько десятков тысяч долларов. Что поделаешь, дорогое удовольствие — приобщать невинных девочек к сексу.

Глава 6

ПОСЛАНЦЫ СУДЬБЫ

— Слоник великий гонщик и чемпион! — завопила от восторга стриженная под мальчика блондинка, сидевшая за рулём новенького «БМВ». Она только что удачно вписалась в крутой поворот и теперь летела по ухабистой просёлочной дороге, норовя разбить сверкающую заднюю подвеску о деревенские колдобины.

— Куда ты несёшься, сумасшедшая?! — возмущался Семён Рублёв, по прозвищу Доллар.

19-летний студент высшей экономической школы любил своё холёное тело и ему не хотелось очутиться на больничной койке только потому, что его своевольной 16-летней подружке Аллочке взбрело порулить бээмвэшкой своего крутого папашки.

— Да ладно тебе брюзжать, — не выдержала в защиту Виктория, вечная спутница вечеринок и ночных увеселений. Дружная компания была навеселе, и всё благодаря ей. Именно она уговорила влюблённую парочку и своего приятеля отправиться в новомодный загородный ресторан «Дача». Здорово погуляли, не только потеряли её Жоржика в угарной дымке зала, но и успели заплутать на просторах просёлочной глухомани.

— Брюзжать! — возмутился Сеня. — Это же дорогая техника, а Алка под градусами и гонит как чёрт. Кстати, дорога отвратительная, все внутренности выворачивает наизнанку, — подпрыгнув на очередном российском ухабе, проговорил он страдальческим голосом. — Для полного счастья не хватает только бдительного гаишника.

— Три часа ночи, какому идиоту придёт в голову попасться на нашем пути?

Не успела Вика произнести это, как ей пришлось заорать не своим голосом:

— Тормози-и-и!

— Сворачивай-ай!

Истошный крик подруги, совпавший с воплем Семёна, слились в голове Аллочки в единый вой. Обычно приказы не действовали на неё, но, заметив в луче света одиноко бредущую по краю дороги женскую фигуру, она проявила несвойственное ей здравомыслие — рванув руль вправо, девушка изо всех сил ударила по тормозам. Скорость оказалась слишком большой, машину стало заносить. А эта дурочка, неизвестно откуда появившаяся, вместо того чтобы броситься влево, тоже шарахнулась вправо. Алла завизжала, увидев, как девушку, словно тряпичную куклу, подбрасывает на капот, кидает в сторону и потом она исчезает в кювете.

— О Боже, нет! Только не это! — Семён выскочил из машины, Алла и Вика бросились за ним.

«Накаркал, птица счастья Говорун!» — донеслось ему в спину, но он не придал этому обвинению никакого значения. Перед его глазами предстала страшная картина. Девушка лежала в поросшей травой яме и не шевелилась. Рядом с ней валялась плотно набитая адидасовская сумка.

— Так! — протянул Семён. — Приехали! — Он стал спускаться в кювет почти что на четвереньках.

— Куда эту дуру долбанную несло?! — орала Аллочка больше от испуга, чем от возмущения. — Она что… ослепла? Я вправо, эта… туда же, дороги ей, что ли, мало, этой…

Настя приоткрыла глаза, которые зажмурила от страха. Из уст её сверстницы на неё извергались потоки ненормативной лексики.

— Идиотка, уймись! Совсем доконаешь девчонку! — остановил парень виртуозное красноречие пухленькой блондинки.

Он бухнулся на колени перед Настей, не обращая внимания на свои светлые брюки.

— А что она лезет под колёса иномарок, «Жигулей» не могла дождаться!

— Я сказал, помолчи. — Блондинка прикусила губу, продолжая ворчать себе под нос. — Кажется, крови нет. Ты как, жива?

— Жива, — едва выговорила Настя.

— Где болит? — деловито спросил парень.

Настя подвигала руками и ногами — тело вполне подчинялось ей. Никакой сильной боли она не ощущала.

— Нигде, — призналась она с облегчением. — Только голова немного кружится.

— Может, стоит отвести её в больницу, Доллар? — предложила другая девушка в роскошном брючном костюме.

— Думай, что говоришь, Виктория!

— Да, ты прав. — Видимо, спортивного вида брюнетка отличалась быстрой реакцией, потому что сразу же сообразила. — Нам нельзя сунуть её в больницу.

— Что же делать? — растерялась блондинка.

— Вези её к себе, — заявил парень, не раздумывая. — Твой папочка непременно что-нибудь придумает.

— Ты соображаешь, что у меня начнётся? Содом и Гоморра!

— А тебе нужны судебные разбирательства?

Насте надоело, что о ней говорят как о неодушевлённом предмете, совершенно не интересуясь её мнением.

— Никуда я с вами не поеду.

Она собиралась произнести это ледяным тоном, но голос не слушался её. Слишком много пришлось пережить за эту нескончаемую ночь. Настя испугалась, что не выдержит, сорвётся на крик или, ещё хуже того, разрыдается в голос. Судорожно вздохнув, она попыталась встать на ноги.

— Уезжайте! Я уж как-нибудь сама.

— Не, не, не, — засуетился парень, поднимая её на руки. — Не волнуйся. Теперь с тобой всё будет замечательно. — Он бережно усадил её на заднее сиденье и повернулся в сторону девиц. — Прикройте пледом или чем-нибудь тёплым. У неё шок.

— У неё шок?! — возмутилась любительница сквернословия. — Это у меня шок!

Доллар не обратил на её визг никакого внимания.

— Машину поведу я. Ты, надо думать, Слоник, на сегодня уже накаталась? — спросил он блондинку, вероятно владелицу шикарного автомобиля.

Та только фыркнула в ответ и плюхнулась рядом с ним. Вторая девушка, которую называли Викторией, осторожно опустилась рядом с Настей, придерживая адидасовскую сумку. А потом её заботливо прикрыли чем-то тёплым, и на неё обрушилась усталость. Настя даже обрадовалась этому состоянию, пришедшему на смену безразличию, — значит, она всё ещё жива, если способна

чувствовать.

— Ну что, едем к гостеприимным Градским? — Доллар спрашивал её, Настю.

— А, делайте что хотите, — прошептала она.

В свои 55 лет Дмитрий Васильевич Градский всем своим видом излучал власть. Он давно уже утратил мускулистый пресс от сидячего образа жизни и обзавёлся лишними килограммами, но сшитые на заказ костюмы и лёгкая каждодневная разминка в тренажёрном зале сына почти скрывали этот недостаток. Лицо у него было самое обычное и вполне подходило выбранному им роду деятельности. Крупный нос, но красивой правильной формы, губы строго сжаты, а синие глаза прикрывают набрякшие от усталости веки.

Дмитрий Васильевич был богат, удачлив в приобретениях, невероятно опасен в делах, и все его откровенно побаивались. Он занимал кабинет президента банка «Кондор», потому что являлся таковым. Лет десять назад он создал это детище и любил его не меньше, чем своих родных детей, которых подарила ему любящая и любимая супруга. Она умерла, давно, если быть точным — шестнадцать лет четыре месяца и пять дней назад, но сердце продолжало щемить всякий раз, когда Дмитрий Васильевич смотрел на подрастающую дочь, узнавая любимые черты. И с каждым годом внешнее сходство с матерью становилось всё заметнее. Может быть, поэтому он старался реже бывать дома, загружал себя работой и искал в ней оправдание своему поведению. Со взрослым сыном таких проблем не возникало. Своим характером Стас пошёл в него, в Дмитрия Васильевича. Его удел был властвовать, и он с радостью ему подчинялся. Градский-старший гордился младшим Градским. Он знал, что через годик-другой, сын займёт его место. А вот Аллочке нужна женская забота, понимающая, тонко чувствующая душа, перед которой можно выговориться, поплакаться, наконец! Дмитрий Васильевич это осознавал, но ему ни разу не пришло в голову привести в свой дом другую женщину.

Градский-старший перевернул глянцевую страницу «Коммерсанта» и раздражённо посмотрел на «Патек-Филипп». Точно такие же часы он подарил сыну на двадцатипятилетие. Начало пятого! Новый рабочий день, почти бессонная ночь, а его вконец разболтавшаяся дочурка всё ещё не появилась ни дома, ни в их загородном особняке. Загранпаспорт не по годам самостоятельной девицы Дмитрий Васильевич надёжно припрятал, чтобы не подвергать её излишнему соблазну отправиться в Испанию или в Париж. Там тоже имелась кое-какая частная собственность, и поэтому он был уверен, что Алла находится в пределах

родины, а значит, в пределах досягаемости. Дмитрий Васильевич, безусловно, привык, что у каждого из них своя личная жизнь, но могла бы она хотя бы позвонить. Ведь существует же такая удобная вещь, как мобильник. И в эту минуту раздался звонок. Правда, не телефонный, а в дверь. Вспомнив, что он на выходные отпустил Мишу, шофёра и телохранителя в едином лице, обладатель шикарной двухэтажной квартиры на элитном Кутузовском проспекте вздохнул и пошёл собственноручно открывать дверь.

— Папа, ты только не кричи, — начала с порога Алла, — ничего страшного не случилось.

— Уже хорошо, — вздохнул Дмитрий Васильевич, запахивая домашнюю куртку из тяжёлой парчи. За спиной дочери он увидел незнакомую рыжеволосую девушку и Семёна, последнего приятеля Аллы.

— Проходите, — пригласил хозяин, делая широкий жест рукой. Под ложечкой у него неприятно заныло. Дочь с порога начала успокаивать, что было редким явлением, да к тому же потерянный и немного взъерошенный вид её новой подруги внушал некоторое опасение убелённому сединами банкиру. Всё выглядело так, как будто золотая молодёжь опять во что-то вляпалась.

— Нет, вы извините, Дмитрий Васильевич, но мне пора, — вежливо отказался Семён. — Я, собственно, только проводил девушек.

После этого он исчез. А Дмитрий Васильевич с дочерью и молчаливой спутницей оправились в кабинет. Именно там, в тиши, он предпочитал прорабатывать дочь.

— Нуте-с, — приступил Дмитрий Васильевич к допросу с пристрастием, после того как все действующие лица расселись по бархатным креслам. — Расскажи, Алла, зачем тебе понадобилось обманывать Михаила?

— Я его не обманывала. Я всего лишь сказала, что ты бы разрешил мне взять твой необъезженный мустанг.

— Ты сказала шофёру, что я разрешил тебе взять необъезженный мустанг, никакого БЫ в твоей речи не прозвучало, — с невозмутимым спокойствием заметил Дмитрий Васильевич, приглядываясь к девушке, сидящей напротив него. Странная особа. Совершенно не подходит на роль очередной подруги его в конец изоврашейся дочери. Слишком правильная. У неё просто на лбу написано — неиспорченная, неизбалованная, непритязательная, в общем, не от мира сего.

— Ты кому больше веришь, — возмутилась Алла, кусая ноготь, — своему личному шофёру или мне, единственной дочери?

— Шофёру! — отбрил Дмитрий Васильевич. — Но об этом мы поговорим

позже, а теперь я хотел бы познакомиться с твоей подругой, раз уж ты пригласила её к нам в дом.

— Как тебя зовут? — спросила Алла, чем привела Дмитрия Васильевича в полное недоумение.

— Настя, — сказала девушка и впервые взглянула прямо в глаза Дмитрию Васильевичу. — Я не подруга вашей дочери, а всего лишь случайная попутчица.

— Попутчица, — растерянно повторил хозяин не в состоянии уяснить, что какой-то попутчице понадобилось в его квартире в начале пятого? Нет! Теперь уже в конце пятого часа. Он перевёл взгляд на дочь, требуя объяснений.

И он их получил, а в придачу едва не получил сердечный приступ. Хорошо ещё, что всё так удачно закончилось, девушка, судя по её связной речи и спокойному тону, не сильно пострадала. Теперь стали понятны эти синяки, ссадины. Но тут перед Дмитрием Васильевичем встал извечный на Руси вопрос: что делать? Разумеется, нужен врач, им должен быть кто-то из близких знакомых, чтобы шум не ушёл дальше этого порога. Необходимо как-то её устроить на эти несколько часов, и потом — родители! То, что о родственниках девушки он подумал в последнюю очередь, не делало ему чести. Удачливый бизнесмен, но так и не сдавший экзамена на отцовство мужчина, даже поморщился от этой неприятной мысли.

Он протянул девушке радиотелефон. Она с недоумением посмотрела на него.

— Тебе, наверное, нужно позвонить родителям, — подсказал Дмитрий Васильевич. — Предупредить, что ты у нас в гостях.

Внезапно он подумал, что родственники девушки могут выдвинуть обвинение против его несовершеннолетней правонарушительницы. Как это всё некстати. Через четыре часа ему нужно быть в банке, у него ответственное совещание с инвесторами, а дочь, как нарочно, создаёт ему трудности.

— Мне некому звонить, Дмитрий Васильевич, — просто сказала Настя. — Я в Москве никого не знаю.

Час от часу не легче!

— Тебе сколько лет? — спросил он.

— Семнадцать с половиной.

«Совсем ещё девочка, — подумал Дмитрий Васильевич, — всего лишь на год старше моей Аллы. А выглядит моложе. Его дочь ни в чём не знает меры, иногда разрисует себя так, что тянет на все двадцать пять. И куда торопит время. Это назад нельзя отсчитать годы, а вперёд они текут, как песок сквозь сито».

— Как же ты оказалась на просёлочной дороге, одна, ночью? — спросил Дмитрий Васильевич, хмуря брови.

Настя посмотрела на хозяина квартиры, думая, стоит ли ему отвечать. А потом решила, что терять ей нечего. Где-то в сознании промелькнуло, а вдруг этот благополучный человек попытается откупиться от неё. Деньги ей были катастрофически необходимы — в её кошельке оставалось две тысячи рублей с мелочью. А поскольку она при всех своих положительных качествах пока ещё не обладала моральной устойчивостью, девушка решила, что не будет большого греха, если она возьмёт эти деньги. Но тогда нужно рассказать всё с того момента, как она оказалась в Москве на Ярославском вокзале и до той минуты, как попала под колёса «БМВ». Настя так и сделала. Рассказала без прикрас о себе, о родителях, о неудачной попытке штурмом взять МГУ. Умолчала только о том, что несколько часов назад была изнасилована пьяным ублюдком. Сказала просто, что поругалась и решила уйти из дома, где ей не понравилась компания. Синяки, ссадины и распухшую губу ей удалось списать на столкновение с машиной.

— Значит, идти тебе некуда, — подвёл итог рассказу Дмитрий Васильевич после минутного молчания.

И вдруг ему в голову пришла вполне здравая мысль — надо предложить этой девочке остаться на некоторое время у них. Ведь слепому видно, она отличный положительный пример для Аллы. И потом, Настя умна, образована, начитана, умеет готовить, как выяснилось из разговора. Последнее было очень кстати, потому что неделю назад, не выдержав бесконечных придирок дочери, от них ушла очередная домработница. Нанять новую прислугу не составляло труда, но руки до этого не доходили. А тут он сразу решает несколько проблем и освобождает для себя кучу времени.

— Знаешь что, Анастасия, я хочу предложить тебе пожить у нас, в этой квартире.

— Папа! — возмущённо воскликнула Алла, но Дмитрий Васильевич так зыркнул на неё, что она в миг прикусила язычок и надолго ушла в глухую защиту.

Приструнив дочь, бизнесмен сказал:

— Как ты смотришь на то, чтобы стать домработницей? — Настя была настолько оглушена этим предложением, что даже не пыталась возражать. — Для тебя ведь не составит труда присмотреть за квартирой, ответить на звонки, приготовить обед, убраться, съездить в магазин за продуктами, отдать бельё в прачечную? — Дмитрий Васильевич стремился вспомнить, всё ли он перечислил?

Ничего не упустил? И поэтому добавил на всякий случай: — Может быть, придётся выполнить ещё пару-тройку поручений, но это уже за дополнительную плату.

— За плату?

Настя облизнула пересохшие губы. Второй раз за последний месяц её практически покупали, но в этом случае она не испытывала тех мучительных сомнений, с какими ей пришлось столкнуться в прошлый. И всё же сомнения оставались.

— Я буду платить тебе двести долларов ежемесячно при условии, что ты будешь хорошо выполнять свою работу. — Видимо, заметив некоторые колебания, Дмитрий Васильевич решил немного подсластить пилюлю: — Тебе не придётся много стоять у плиты. Я обычно обедаю в ресторане, вечером у меня или совещание, или презентация. Алла привыкла к полуфабрикатам, Станислав — это мой старший сын, чаще живёт за границей, чем дома. У тебя будет своя комната на втором этаже, с пропиской я всё улажу. Ну, согласна?

Мысли лихорадочно заметались в голове. Где она ещё так устроится? (Об отъезде Настя не помышляла: два дня назад её удерживала гордость, теперь к ней прибавился стыд.) Питание, жильё, временная прописка, да к тому же за необременительный труд в райских условиях ей будут платить двести долларов наличными! Тут тебе и курсы, и билеты в театры, и ещё много всяких маленьких радостей в виде чёрного шёлкового гарнитура нижнего белья.

— Да, согласна. — Настя лучезарно улыбнулась, чем сразила Дмитрия Васильевича наповал. — Только мне нужно свободное время для занятий.

— Разумеется. И ещё выходной день по твоему выбору. Алла, покажи Насте её комнату, крайнюю слева по коридору, — мгновенно распорядился он, довольный тем, что всё так прекрасно устроилось. — Завтра ты можешь отдыхать. Вернее сегодня, — уточнил Дмитрий Васильевич, взглянув в очередной раз на запястье. — К тебе заглянет врач…

— Не нужно никакого врача! — заволновалась Настя, прижимая к себе спортивную сумку со всем своим богатством. — Я себя нормально чувствую.

— Хорошо, хорошо, но пусть он тебя осмотрит для моего спокойствия, — отстранённо попросил банкир, размышляя уже о сургутской нефти, льющейся в его банк безбрежными капиталами.

Поднимаясь на второй этаж, Настя отметила про себя, что вся трёхкомнатная квартира семейства Муравьёвых могла бы без труда поместиться в гостиной Дмитрия Васильевича Градского, которую она мельком увидела.

— Прошу осмотреть апартаменты, — Алла игриво развела руками, даже

не понимая, насколько она сейчас похожа на своего отца. — Папочка лучшее отдаёт — здесь обычно останавливаются почётные гости.

Настя прошла в комнату, утопающую в зеленовато-серых тонах. Деревянная двуспальная кровать была застлана стёганым шёлковым покрывалом с абстрактным рисунком, где преобладали оттенки табачного цвета. Рядом с кроватью стояла тумбочка, на ней настольная лампа в стиле модерн. Одну из стен полностью занимал зеркальный шкаф-купе. В противоположном углу разместилась видеотехника. Шторы из шёлка серебристо-зелёного цвета идеально подходили дорогой обстановке. На низком столике возле кресла стояла удивительной красоты ваза с рисунком из побегов вьющихся роз.

— Смотри не разгрохай, — предупредила Алла, наблюдая за каждым её движением. — Это вустерский фарфор, начало восемнадцатого века. Стас его обожает.

«Вот и забирал бы её себе. А то придётся ходить здесь, как по музею», — подумала Настя, а вслух спросила:

— Что обожает твой брат: восемнадцатый век или фарфор?

— Не старайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле, — отпарировала Алла, направляясь к выходу. — Ванная комната — вторая дверь направо по коридору. Всё остальное потерпит до утра, я смертельно устала, — вздохнула она, хлопнув на прощание дверью.

До утра! А сейчас что? Впрочем, Настя не сомневалась, что в понимании этой избалованной девицы, которой даже не влетело за её выкрутасы, утро наступает тогда, когда ей этого хочется. Ну и ладно.

Девушка распаковала сумку, разыскала ванную, приняла тёплый душ и вернулась в комнату. Через минуту она растянулась на белоснежных простынях. Вон как всё обернулось. Внизу живота притаилась тихая боль, но она запретила себе думать об этом. Московская жизнь быстро лишает иллюзий. Ничего, она сильная, она справится. Она проведёт чёрту между прошлым и будущим. И никогда, ни при каких обстоятельствах не вернётся в прошлое. И вообще, с сегодняшнего дня она заставит переменчивую Фортуну вновь повернуться к ней лицом. Так она решила, и так будет! Настя взглянула на часы, чтобы запомнить время этого знаменательного момента. 6:05, воскресенье…

Игорь лениво открыл глаза — солнечный луч бил ему прямо в лицо. Господи! И почему он не задёрнул шторы! «Жалюзи?! А не шторы!» — удивился он. Настольные часы показывали 6:05. Что за наваждение?! Как он здесь оказался,

в таком растерзанном, если можно так выразиться, виде? Игорь чуть приподнялся на локте и окинул взглядом развороченную постель. И тут в его голове неожиданно возникли обрывки воспоминаний вчерашней улетной пирушки. Он зарядился под самую завязку, а потом, потом всё пошло по наезженной колее. В отличие от большинства наркоманов, любители коки утрачивали сексуальную активность, но не Игорь. Да, видимо, Настеньке досталось этой ночью. Обидно было, что он пребывал в таком раздражении, что толком ничего не мог вспомнить. И только тёмное пятно на голубом покрывале свидетельствовало, что он укротил эту строптивицу. «Ничего, она девочка крепкая, сибирской закалки, выдержит», — подумал Игорь с присущим ему цинизмом. Официальных обвинений он не боялся. Любой из его знакомых, да и соседей тоже, подтвердил бы, что девочка жила с ним добровольно и была вполне счастлива, треская бананы и шоколад. Вот только где она, милая его сердцу дворяночка?

Спустя десять минут всё в нём клокотало от ярости. Сука! Разорвал бы её на куски, если бы нашёл! Его обчистили, нагрели, как какого-то лоха на десятки тысяч долларов!

Ничего, он разыщет её, не иголка в стогу сена. У него множество наводок, чтобы вычислить эту невинно-наивную стерву! Прописка, курсы в университете, бывшие друзья. А когда найдёт, он с ней разберётся.

Глава 7

СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО

— Интересно узнать, когда наша домработница приступит к своим прямым обязанностям? — донимала Алла папочку, сидя за столиком в ресторане. Они ужинали чёрной икрой, фаршированными шампиньонами, щавелевым супом, Дмитрий Васильевич заказал себе рыбное филе с огурчиками, а Аллочка — соте из барашка в лимонном соусе. Выбор десерта отложили на потом.

Официант в белоснежной рубашке суетился рядом, но дочь известного банкира даже бровью не повела, когда шустрый мальчик заботливо, с придыханием, наполнил её бокал дорогим вином. Она чувствовала себя маленькой принцессой с самого рождения. Она и была ею. Разве кому-нибудь из её знакомых подавали праздничный ужин на тарелках, расписанных золотыми листьями, со столовыми приборами, принадлежащими Марии-Антуанетте? Разве был хоть у одной из её подруг гардероб, забитый тряпками со всего мира? Любое её же-

лание исполнялось. У неё было всё, кроме одного, любви отца. Он лелеял её, холил, оберегал, как любимую картину, которая напоминала ему о самом дорогом и утраченном. Осознание этого факта трудно было пережить, но Алла со временем смирилась, возмещая эмоциональную потерю материальными благами. Однако теперь ситуация резко изменилась. В её и без того духовно разлаженном мире появилась рыжая благовоспитанная отличница из какого-то там Нижневартовска. Алле не хотелось признаваться себе в том, что она ревновала, два дня и две ночи жутко ревновала отца к найдёнышу. Слишком уж близко её дорогой папочка принял к сердцу происшествие на загородном шоссе. Вот и сейчас не хочет обсуждать эту скользкую тему, не хочет, а придётся.

— Так когда же Анастасия Муравьёва соизволит появиться на кухне и потрясти нас кулинарными изысками?

— Ты же отлично слышала, что сказал Илья Моисеевич, — у девушки шок и неадекватная реакция, — ответил Дмитрий Васильевич, уверенно расправляясь с горячим. — Между прочим, — он отложил вилку и нож на край тарелки и взял бокал, в котором плескалось марочное «Шато-Латур 59», — именно благодаря твоему своеволию и бесхарактерности, да, да, бесхарактерности, Анастасии пришлось пройти через тяжёлое испытание. В общем, я не вижу надобности нарушать предписание врача. Илья Моисеевич велел ей отдохнуть пару дней, значит, так тому и быть.

Алла прикусила нижнюю губку.

— Значит, пусть она читает Стасиного Оскара Уайльда и смотрит видак, а мы будем утопать в грязи и ужинать в ресторанах, чтобы не умереть с голода?

— Тебе не нравится барашек? — заботливо спросил Дмитрий Васильевич. — Можно поменять его на что-нибудь другое.

— Мне нравится, — холодно ответила Алла, отлично понимая, к чему клонит отец. Ужинать в таком ресторане считалось привилегией, а не наказанием. Алла насупила брови, осознавая, что близка к провалу. Надо было срочно менять тактику.

— А что, наша подопечная так хорошо знает английский, что в состоянии читать Уайльда в подлиннике? — спросил Дмитрий Васильевич, доедая таявшее во рту филе.

— Выходит так. Нам попалась интеллектуальная домработница. Она вообще полна сюрпризов, гнал бы ты её, папочка, — ласково посоветовала Аллочка.

— А кто будет убираться, готовить? — поинтересовался отец.

— Я тебе уже неделю твержу, вызови Анну Ивановну из Барвихи.

На хрупких плечах Анны Ивановны лежал тяжкий груз — трёхэтажный особняк в Барвихе вместе с обслуживающим персоналом. Там Дмитрий Васильевич устраивал закрытые и открытые приёмы с фейерверком и шампанским, там же практически и жил в окружении леса и преданных ему людей. Но в этом месяце обстоятельства вынудили его задержаться в Москве. Ему не хотелось бездарно тратить время на каждодневные загородные поездки туда и обратно, поэтому он предпочёл проводить короткие ночные часы в квартире на Кутузовском. Аллочка тут же последовала за ним, забросив теннис и плавание. Недельное отсутствие приходящей домработницы внесло некоторое неудобство в их жизненный распорядок, но не настолько, чтобы срывать с места нужного ему человека.

— Анне Ивановне забот хватает. В следующие выходные я собираюсь устроить небольшой приём за городом, если всё пойдёт так, как нужно.

Алла не сдавалась — хорошо, не Аннушка, пусть кто-нибудь другой, она согласна даже на такую же тридцатилетнюю мегеру, которая служила у них недавно. В Анастасии Алла чувствовала потенциальную опасность своему спокойствию. Зачем отец поселил её в одной из гостевых комнат со всеми удобствами? Мог бы пристроить в комнатушке для прислуги, которой изредка пользовался Михаил.

— Мне не нравится, что она живёт у нас.

— В этом есть свои плюсы и свои минусы.

— Минусов намного больше. Кругом куча агентств по найму. Хочешь, я этим займусь? — настаивала она.

— Нет, не хочу, — возразил Дмитрий Васильевич, вытирая уголок рта салфеткой. — Я уже нанял эту девушку и пока не намерен менять решения. И вообще, почему бы вам не попробовать подружиться, вы ведь сверстницы?

— Подружиться?! Я не испытываю недостатка в подругах, — разозлилась Алла. — Представляю себе, как в моей гимназии развеселятся, если узнают, что я дружу с прислугой.

— Поверь мне, она не долго пробудет в этом качестве.

— Уж не в любовницы ли ты её наметил, папочка?

— Какая кощунственная мысль! — искренне возмутился Дмитрий Васильевич.

Конечно, у него были женщины всё это время, не евнух же он, в конце концов, но все они давно уже вышли из младенческого возраста.

— А что, сейчас это принято, — ничуть не смущаясь, продолжила Алла, пододвигая к отцу свой опустевший бокал. — Разницу в возрасте компенсирует

туго набитый кошелёк, неужели не приходилось с этим сталкиваться?

— Мне, слава Богу, не приходилось. И хватит об этом, — закончил разговор Дмитрий Васильевич, наполняя её бокал на половину, а заодно и щедро подливая в свой. — Лучше скажи мне, куда ты собираешься отправиться в августе? Пора подумать об отдыхе. Испания, Кипр, Каймановы острова? Может быть, Мальдивы?

— Фу, — выпустила пар Аллочка, — Мальдивы в августе, ни за что! — Алла сделала пару глотков. — И вообще, я решила, что никуда без тебя не поеду. Помнишь, как мы отдыхали втроём — ты, я и Стас.

Глаза Дмитрия Васильевича подёрнулись сладкой дымкой воспоминаний.

— Помню. Тебе тогда было девять лет, и я учил тебя плавать с аквалангом.

— Восемь, — поправила Алла.

— Что восемь?

— Мне было восемь лет, когда Стас окончил школу, и мы все отправились на Карибское море на виллу к твоему американскому партнёру.

— Да, точно восемь. Как давно это было, — вздохнул Дмитрий Васильевич, но тут его взгляд прояснился и он сказал уверенным голосом: — К сожалению, я сейчас не могу вырваться. У меня сложные переговоры.

— Знаю, ты все уши прожужжал о своей нефти. Можно прекрасно отдохнуть в октябре на Французской Ривьере. Как раз жара спадёт, и я буду купаться топлесс, не боясь солнца.

— Топлесс — это как? — оживился Дмитрий Васильевич, услышав незнакомое слово.

— Это без верхней части, — выражение, появившееся на лице дочери, говорило: «Не отвлекайся по мелочам». — Стас станет очаровывать местных амазонок, ему давно пора заметить, что слова «бизнес» и «банк» мужского рода и не годятся в спутницы жизни. Я буду следить за тем, чтобы твоё сердце билось ровно и сильно, как молот о наковальню. А ты в благодарность научишь меня управлять яхтой.

— Какой яхтой?

— Ну будет же там дрейфовать какая-нибудь яхта!

— Посмотрим, — сказал Дмитрий Васильевич, что в его устах звучало почти как обещание. Он, скорее по привычке, чем по необходимости, отодвинул белоснежный манжет и взглянул на часы. — Будем заказывать десерт?

— Мне только кофе. В моду опять входят худышки с европейской бледностью, — доверительно сообщила Алла отцу. — Чтобы им соответствовать, мне

нужно скинуть как минимум килограммов десять.

— А это возможно? — поинтересовался Дмитрий Васильевич, пряча улыбку.

— Красивая фигура начинается с желания её иметь, — назидательно заметила дочь. — Я тут присмотрела в ГУМе кожаные штанишки от Пако Рабанна, думаю, они мне весьма пригодятся.

Дмитрий Васильевич заметил, что Алла, несмотря на упитанный вид и пухлые щёчки, лихо перепрыгнула с одной темы на другую, не менее животрепещущую.

— Сколько? — только спросил он.

— Полторы, — так же лаконично ответила дочь и принялась за калорийное мороженое, которое только что поставили перед Дмитрием Васильевичем.

— Получишь. — Дмитрий Васильевич придвинул к себе чашку с горячим обжигающим напитком и погрузился в грёзы об очередной финансовой сделке, которая обещала увеличить его личный счёт в швейцарском банке на двести тысяч долларов.

Спустя десять минут, когда всё было выпито и съедено, Алла отправилась в туалет, чтобы, как принято выражаться, поправить макияж. По дороге её буквально сбил с ног молодой подвыпивший парень. Таких приличных «Latin lover» Аллочка мимо себя не пропускала, если, разумеется, предоставлялась такая возможность.

— Ой! — Мгновенно среагировав, она привалилась к мускулистому плечу, давая ощутить свою тёплую трепещущую грудь.

— Ради бога, извините. Я так неловок, — расшаркался брюнет, завораживая её бархатным баритоном.

— Ерунда. Сама виновата. Надо было смотреть, куда иду, — сказала Алла, неохотно отлипая от твёрдой поверхности, прикрытой светлым льняным пиджаком.

— Вадим Аратюнян, — представился он и, склонив голову, щегольски прищёлкнул каблуками.

— Алла, — девушка смущённо покраснела под пристальным взглядом чёрных обжигающих глаз.

— Могу я загладить свою вину и пригласить вас выпить со мной?

— К сожалению, я здесь не одна.

— О! В этом я и не сомневался. Такая девушка не может быть одна, — галантно ввернул комплимент новый знакомый, откровенно оценивая её сочный макияж и безупречный наряд от мастера, напоминающего стиль Оскара де ла

Ренты.

— Я ужинала с папой, — уточнила Алла тоном примерной дочери. — И мы уже уходим.

— Мне так жаль. Может быть, мы смогли бы увидеться завтра? — В голосе пламенного Казановы притаилась надежда, которую чуткая Алла несомненно уловила.

— А вам этого очень хочется? — кокетливо спросила она, вступая на проторённую дорожку.

— Разумеется, да.

Попался — оставалось только захлопнуть мышеловку. Алла всегда тонко чувствовала, когда парни западали на неё. В их глазах появлялся хищный блеск, интонации напоминали курлыканье, они начинали бессовестно льстить и несвязно лепетать о любви. В голове же у них «крутилось одно кино» — как бы затащить её в постель. Иногда им это удавалось. Около года назад Алла, легко переступив барьер невинности, открыла для себя секс, а её вечно занятый папочка до сих пор наивно полагает, что его дочь хоть и взбалмошная, но всё-таки девственница.

— Хорошо, — согласилась Алла и, порывшись в сумочке, протянула Вадику визитку со своим телефоном. — Позвоните мне.

Вадик галантно приложился к её пальчикам. Довольные друг другом, они разошлись в разные стороны.

— Что так долго, — проворчал Дмитрий Васильевич, поджидая дочь в холле.

— Знакомого встретила, перекинулись новостями, — ответила Алла. Её юная грудь, прикрытая тонким шёлком, мерно вздымалась в предчувствии бурного романа. Сенечка-Доллар, ещё три дня назад такой любимый и желанный, стал блекнуть и сдавать свои позиции, в отличие от американской валюты, чей курс неуклонно рос вверх.

Вадик проводил взглядом капитально упакованную девочку до самой открытой дверцы шестисотого «Мерседеса». В пару секунд прикинул свои возможности и решил, что милая пампушка с набитым под завязку кошельком станет неплохой заменой его, теперь уже бывшей, Ирочке. Прошлое воскресенье на даче Игоря всё расставило по своим местам. Он идёт своей дорогой, а она — любой другой.

Глава 8

БУДНИ ДОМРАБОТНИЦЫ

За те три дня, что Настя провалялась в постели бревном, она успела измучить себя упрёками, ей хотелось честно отрабатывать съеденные завтраки, обеды и ужины. И вот настал тот счастливый миг, когда ей было разрешено подняться и приступить к своим прямым обязанностям. Буквально через двадцать минут после того как милейший старичок доктор покинул её комнату, к ней, естественно, без стука, вошла Алла.

— Пойдём, — приказала она, — я покажу тебе квартиру и расскажу, чем ты будешь заниматься.

Настя послушно пошла за ней, поправляя на ходу волосы, собранные на затылке в хвост. Ей не нравился этот барский тон, по своей натуре она была неагрессивна, но сейчас с трудом сдержалась, чтобы не осадить зарвавшуюся хозяйскую дочку. Может, та и привыкла свысока разговаривать с людьми, однако никакие деньги не удержат… тут Настя одёрнула себя. Стоп! Девочка! Ещё как удержат, родители у тебя не бизнесмены и не банкиры. Да и куда ты уйдёшь, паспорт твой у Д.В. на прописке — Настя поймала себя на том, что начала называть Дмитрия Васильевича именно так, коротко и ясно — Д.В.

Увиденное повергло девушку в шок. Её жилище в Нижневартовске, которым она так гордилась, с каждым шагом по дубовому начищенному паркету съёживалось, как шагреневая кожа, и превращалось в убогую келью. Она и представить себе не могла, что в кирпичных элитных многоэтажках бывают двухэтажные двенадцатикомнатные квартиры с тренажёрным залом, массажным кабинетом и тремя ванными. Со всех сторон её окружало много света, салонной мебели, антикварных вещиц и картин. В кабинете, например, над камином, висел прелестный натюрморт — ей было небрежно сообщено, что это Ренуар. На специальном компьютерном столе стоял «Пентиум» последней модели со всеми необходимыми прибамбасами, которые она так мечтала освоить. В гостиной потолок украшала хрустальная каскадная люстра, паркетные полы прикрывали мягкие шелковистые ковры, а окна — итальянские атласные шторы лазурного цвета. Здесь же в углу стоял «Стейнвей», руки так и чесались открыть крышку и пройтись по клавишам стремительным арпеджио, но она обошла шикарный рояль стороной, тенью следуя за хозяйкой.

«Да! Здесь явно неравнодушны к красивым и ценным вещам, — подумала девушка, разглядывая лиможский чайный сервиз, играющий нефтяными раз-

водами. — Вот только жаль, что на каждой из них лежит трехмиллиметровый слой пыли».

И всё-таки складывалось впечатление, что изыску хозяев здесь чего-то недостаёт. Она вдруг поняла, что нигде не заметила ни одной семейной фотографии, той мелочи, которая придаёт дому индивидуальность и теплоту. Только в кабинете ей припомнился портрет, написанный маслом. На нём была изображена молодая женщина в полный рост. И Настя пожалела, что не смогла как следует рассмотреть картину, висевшую в нише, напоминающую жертвенный алтарь.

— А вот и твоя вотчина, — произнесла Алла, добравшись до кухни.

Казалось, Настю уже ничто не может удивить, но кухня поразила её огромным рациональным пространством, полами с подогревом и навороченной бытовой техникой, предназначенной облегчить жизнь домашней прислуги. Вот только сейчас она производила впечатление незаслуженно забытого ребёнка — грязная посуда горой лежала в раковине. На столе в плетёной хлебнице сох хлеб — непростительная роскошь. А на красивой мозаичной плитке пола виднелись подозрительные пятна, напоминающие пролитый кофе. Заляпанная плита и сиротливая кастрюлька на ней молчаливо взывали о том, чтобы по ним прошлись чистящим порошком. Алла, конечно, ничего не замечала, она была выше этого.

— Для поездки в супермаркет или на рынок будешь пользоваться машиной и шофёром Мишей. Он знает, куда тебя вести. Только предупреждай его заранее, когда соберёшься пополнять запасы холодильника, — наставляла Алла, нетерпеливо поглядывая на часы. — Деньги на домашние расходы отец выдаст вечером. Он завтракает без пятнадцати восемь, я, летом, в десять. Мы предпочитаем американский завтрак. Хлопья с молоком, яичница с беконом, молочные йогурты, обезжиренный творог, кофе, сливки, тосты с джемом. Фрукты, всевозможная зелень, соки и минеральная вода — обязательно. Обедаем мы вне дома. В остальном по ходу разберёшься, — Аллочка-людоедочка мило улыбнулась в дверях, — если задержишься здесь, поняла, домработница?

— Поняла, — ответила Настя. — Стой! — Алла замерла на месте. — А ты любишь вареники с вишней, пампушки с мёдом, блинчики с ливером или домашние сибирские пельмени?

— Я в жизни ничего похожего не пробовала, — растерялась владелица роскоши, но, быстро обретя былую наглость, заявила: — Вот и приготовь что-нибудь из этого на ближайший ужин. Кстати, ужинаем мы все в разное время. Начиная с восьми вечера и до глубокой ночи. Но тебе будет не трудно лишний

раз разогреть, ты ведь не приходящая прислуга в отличие от других.

Подпустив шпильку, она захлопнула дверь. Фигуры на шахматном поле были расставлены, позиции определены. Я — королева, ты — пешка, и не дай тебе Бог стать проходной. Пора приниматься за работу.

Если бы не двухмесячное пребывание в столице, Настя сейчас очень долго ломала бы голову над этим щемящим душу техническим прогрессом. А так она довольно уверенно залила в посудомоечную машину моющее средство, засунула в него первую порцию грязных тарелок и включила чудо немецкой фирмы «Bosch».

К вечеру трёхкамерный холодильник ломился от простой, но вкусной еды, квартира блестела, ковры манили своей чистотой, а ноги и руки у Насти гудели.

Лёжа в кровати, Настя перебирала в голове бесконечный список того, что она должна делать и чего не должна. На что имеет право, а о чём не смеет и мечтать.

Итак: она должна наводить порядок во всех комнатах, за исключением кабинета, спортзала и спальни Станислава Дмитриевича. Тот, по словам Аллы, терпеть не мог, когда копаются в его вещах. Она должна: отвечать на телефонные звонки, вытирать пыль, пылесосить ковры, скрести ванные комнаты, сортировать белье в прачечную, закупать продукты и готовить ужин. Она не должна: приближаться к письменному столу Д.В., читать какую-либо документацию, письма, уходить без уведомления из дома, заводить шашни с шофёром, приводить сюда посторонних и давать им номер телефона. Она имела право пользоваться книгами, имела право на выходной и не имела права высказывать собственное мнение в присутствии чьих бы то ни было гостей. Последнее не очень беспокоило. Вряд ли кто-нибудь из приглашённых станет интересоваться её мнением. А высказывать суждение по тому или иному вопросу без того, как к тебе обратились, во все времена считалось плохим тоном. Так, во всяком случае, её учили.

Для того чтобы навести идеальный порядок в квартире Градских, Насте пришлось скрести, чистить и мыть с восьми утра и до восьми вечера целую неделю, после стало легче. Она, что называется, поймала ритм. У неё даже появилось свободное время, и Настя с толком для себя его использовала: записалась на трёхмесячные курсы референтов-переводчиков. Курсы считались хорошими, обещали «заняться вашим трудоустройством» и находились в центре на Чистых прудах. Обошлись они Насте на треть дешевле, чем остальным. После собесе-

дования и тестирования девушке сообщили, что с её уровнем знания языка ей нечего делать в языковой подготовительной группе. А вот компьютерные программы и делопроизводство необходимо освоить, если она хочет устроиться на выгодное место. Настя очень даже хотела, поэтому три раза в неделю — во вторник, пятницу и воскресенье — отправлялась на двухчасовые занятия. А когда в квартире Градских никого не было, девушка бессовестно грешила — включала компьютер Аллы, которым та практически не пользовалась, и изучала Word, а заодно и факсимильную технику. За прошлый месяц она уже научилась вставлять внутрь факса рулон бумаги и поняла, как работает копировальный аппарат. Иногда Настя баловала себя и присаживалась к роялю, но это случалось редко. И вообще, жизнь была замечательной, если бы не напряжённые отношения с дочкой такого милейшего человека, как Д.В. С Аллой Насте никак не удавалось найти общий язык. Их отношения с первого дня можно было охарактеризовать, как «тихую конфронтацию». Аллочка то играла в подругу, то изображала капризную хозяйку.

Вот и сейчас, когда Настя стояла у плиты и занималась сырным суфле, дочка Д.В. сидела на стуле и мешала ей своими разговорами — сегодня она выбрала для себя роль задушевной подруги.

— Тебя как в детстве называли родители? — спросила Аллочка. Она даже не удосужилась застегнуть наброшенный на плечи халатик. В просвете мелькало её золотистое соблазнительное тело и прозрачный треугольник от трусиков. А ведь в любую минуту на кухне мог появиться водитель Миша, который уже вернулся в квартиру, доставив Д.В. на рабочее место.

— Так как — солнышко или рыжик? — пристала Алла, болтая голой ногой.

— Намекаешь на мой семафорный цвет? — засмеялась Настя, натирая на тёрке сыр.

— Не намекаю, а говорю открытым текстом.

— Не угадала, «морковкой» меня звали.

— Морковкой?! Сразу видно, что тебя любили. Только любящие родители могут придумать своему чаду такое премиленькое имя.

Насте послышались завистливые нотки, но она подумала, что это ей показалось, потому что, обернувшись, она увидела на круглом кукольном лице саркастическую ухмылку.

— А тебя, можно подумать, не любят?

— Почему же? Любят — каждый по-своему. Стасик, например, в порыве нежности величает меня королевой Хаоса. Но речь сейчас не обо мне, а о тебе.

Настя разбила несколько яиц, отделила желтки и начала вручную взбивать белки в фаянсовой миске.

— Вот скажи, что это ты крохоборничаешь? Живёшь на всём готовом, могла бы купить себе парочку сносных тряпок. А то на тебе чёрная кофточка или коричневое платьице — вещички, конечно, миленькие, но морально устаревшие.

— А ты хочешь, чтобы я готовила и убиралась в туалетах от Картье или от Живанши, окутанная облаком Кристиана Диора.

— О! Какие глубокие познания. Не зря несколько месяцев залётная красавица гуляла по Москве.

«Гуляла по Москве»! Настя сурово поджала губы. Вот именно этого ей больше всего и хотелось, просто погулять по прекрасному городу. Она так и не узнала белокаменной толком — витрины, супермаркеты, рынки, химчистки, курсы — вот то, с чем ей приходилось сталкиваться каждый день. А где же старинные улочки, где музеи с известными на весь мир картинами, концертный зал с классической музыкой, церкви с их величественным убранством — где всё то, что она так мечтала увидеть? А глубокие познания о туалетах и искусстве макияжа нижневартовская домработница почерпнула из каталогов, в изобилии разбросанных в комнате Аллочки, да из её забитых платьями, костюмами, пиджаками, свингерами и шубами двух бездонных платяных шкафов, которые ей приходилось разбирать.

Настя подавила рвущийся наружу вздох и, добавив молока к маслу и муке, всё хорошенько перемешала.

— Отец вроде бы не скупой, отвалил тебе 250 долларов в конце месяца, — гнула свою линию хозяйская дочка, забрасывая в алый ротик арахис из вазочки. — Куда же ты первую зарплату пристроила, если не на тряпки?

— Часть денег заплатила за курсы, остальное — отослала родителям. У нас ведь зарплату не так регулярно выдают.

— Как трогательно. Хотелось бы разреветься, да, боюсь, тушь потечёт.

— Надо было воспользоваться «Макс фактор», рекламируемой по всем каналам, а не «Волюмиссим», — осадила Настя своенравную девицу.

— Вот совсем другое дело, — оживилась Алла вместо того чтобы обидеться. — Пошла бабская дребедень. Ты мне слово, я тебе — два. Думаю, Настин, мы с тобой сумеем поладить. Я знаю, я гадкая, вредная, но я же отходчивая. Слушай, а давай сообразим в этот уикенд вечеринку. — Аквамариновые глаза заблестели в предвкушении запретного. — Отец сказал, что собирается к другу на рыбалку, Мишу я уговорю временно оглохнуть и ослепнуть. Устроим такой

миленький междусобойчик, можно два на два.

Настя молча продолжала заниматься своим делом. Сыр, за ним яичные желтки последовали в миску. После чего возобновился процесс интенсивного перемешивания.

— Хочешь, я уступлю тебе своего Сёму, — милостиво предложила Алла, — он мне всё равно уже не нужен. У меня появился новый мальчик! Вадиком зовут. А Сёма тобой интересовался, спрашивал, как там рыженькая поживает. Ну что, договорились?

— Нет, не договорились. — Настя вылила готовую смесь в стеклянную суфлетницу и залила сверху взбитыми белками. Приготовленное фирменное блюдо она отправила в микроволновку и выставила на ней время приготовления.

— Странно. Ну не хочешь Доллара, я могу найти для тебя кого-нибудь ещё. — Алла вцепилась в Настю мёртвой хваткой. Ей хотелось праздника. — Можно пригласить Диму. Ему двадцать два года. Глупо учить какое-то там «Введение в социологию», когда можно отхватить лакомый кусочек, который разом решит все твои проблемы. Дима, между прочим, перспективный кадр. У него адвокатская практика, коттедж в два этажа.

— Мне не нужны перспективные кадры! — возмутилась Настя. — Я сама добьюсь в жизни всего и даже сверх этого. У меня есть руки, ноги и голова.

— А чтобы всего добиться, придётся эксплуатировать совсем другую часть тела, — ехидно заметила Алла. — Вот и получается, умница, что я занимаюсь сексом ради удовольствия, а ты будешь делать массаж пятой точки своему лысому толстому начальнику, чтобы продвинуться по служебной лестнице. О! Уже начало второго, — удивилась она. — Мне давно пора чистить пёрышки.

Выражение «чистить перышки» означало, что в течение полутора часов (не меньше) Алла будет заниматься своей внешностью, превращая себя из школьницы в утончённую бизнеследи или же раскрепощённую стерву. Это зависело от обстоятельства — где и с кем она собиралась развлекаться. В отношении собственной внешности страсть Аллы к совершенствованию не знала предела. Сломанный ноготь казался ей огромным несчастьем и мог вызвать бурную истерику. Настя успела привыкнуть к эмоциональным всплескам своей бесплатной наставницы. А первое время, услышав вопль отчаяния, бежала сломя голову на второй этаж, чтобы утешить.

— Ты собираешься уезжать? — спросила Настя на всякий случай.

— Да. Обещала навестить Викки. Миша меня отвезёт.

В дверях Алла обернулась и задумчиво нахмурилась:

— Иногда мне кажется, что я старше тебя лет на сто.

Настя ничего не ответила. Она не собиралась оказывать интимных услуг ради своего светлого будущего ни толстому лысому начальнику, ни лощёному подтянутому бизнесмену. Она не верила в то, что пол-Москвы стройных красавиц, отправляющихся утром в офисы, занимаются на рабочем месте тем, что варят кофе и падают в распахнутые объятья своих руководителей. Ведь существуют же и нормальные деловые отношения между людьми. А потом она и вовсе перестала думать об этом и принялась прикидывать в уме, что успеет сделать за оставшиеся часы.

Глава 9

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

— Я ей говорю, не в деньгах счастье, дорогая, а она мне отвечает: «Да, не в них. Но с ними можно быть несчастным как угодно и где угодно». Представляешь? — обратился словоохотливый таксист к Стасу, хмурому и молчаливому.

Езда в машине, за рулём которой сидит кто-то другой, а не он, всегда вызывала у Стаса скверное настроение. И сейчас, когда машина застряла в дорожной пробке буквально в десяти минутах от дома, Стас впал в состояние, исключающее возможность нормального человеческого общения. «Сам виноват. Надумал сделать близким сюрприз и свалиться как снег на голову. Вот теперь сиди и парься в тесном салоне, как рядовые российские граждане».

— Жене, видите ли, захотелось в Турцию, как же — бархатный сезон, все наши знакомые уже там побывали, вкусили заграничный рай — продолжил таксист, так и не дождавшись ответа. — Спрашивается: где я, честный таксист, найду на эти путёвки тысячу долларов? — Он посмотрел на молчаливого пассажира в зеркальце дальнего вида. — Вам богатеньким хорошо, у вас вообще проблем нет.

Стас мысленно не согласился с бедным водителем.

Большинству людей, обладающих огромной властью, всё равно приходится что-либо преодолевать. Хотя бы осознание того, что они принадлежат к привилегированному классу. Знал бы болтливый таксист, насколько богатенького пассажира подобрал в Шереметьево, он бы сейчас не заливался соловьём, а был сдержан и предупредителен. Станислав Дмитриевич Градский был не просто богат, а очень богат. То же самое относилось и к его знакомым, которые покупа-

ли дорогую одежду и автомобили, как шоколадные батончики.

Если говорить о нём самом, то в жизни он был достаточно скромен, а в моде явно тяготел к итальянскому дизайну. Его рубашки были из хлопка, костюмы — из натуральной шерсти, бельё предпочитал из шёлкового трикотажа. Вот и сейчас, несмотря на бабье лето и ртутный столбик, достигший двадцати двух градусов, на нём был тёмно-синий костюм. Вишнёвый галстук был аккуратно повязан под воротничком бледно-голубой рубашки. Что же касается всего остального… что ж, и у него были свои человеческие слабости — он обожал свой классический «Порше». Женщин он не обожал, а просто любил, причём всяких, но редко и недолго. Наверное потому, что ни одна из них так и не сумела затронуть его сердце. А с тех пор как он занял пост вице-президента в семейном банковском бизнесе, у него практически не оставалось времени ни на пышных блондинок, ни на стройных брюнеток. И честно говоря, Стас иногда об этом сильно жалел.

— Зелёный! — подсказал он водителю, и тот рванул с места, стараясь занять нужную полосу.

Спустя десять минут непрекращающихся стенаний по поводу солнечной, но недоступной Анталии они оказались на Кутузовском. Стас вытащил пятьдесят долларов и протянул их парню — всё-таки тому удалось разжалобить его мягкое отзывчивое сердце.

Чтобы избежать потока слов благодарности, он подхватил вещи, выскочил на тротуар и тут же вляпался в кучу дерьма. «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось!» — усмехнулся Стас. Ошалевший от счастья таксист умчался, обдав его облаком пыли, а удачливый бизнесмен и юрист, очистив о бордюр подмётки итальянского кожаного ботинка от собачьих экскрементов, направился к своему подъезду, не замечая пламенного взгляда проходившей мимо брюнетки. В голове его выстраивался план вечернего разговора с отцом.

Лифт без проблем доставил Стаса на шестнадцатый этаж. Ему не хотелось искать ключи, и он нажал на кнопку звонка, рассчитывая, что королева Хаоса окажется дома. По мере того как текли секунды — надежды на тёплую встречу таяли. Он собирался ещё раз позвонить, но тут дверь приоткрылась, сдерживаемая цепочкой. В образовавшуюся щель Стас сумел рассмотреть рыжие волосы, волной убегающие за плечи, зелёные глаза, настороженно разглядывающие его, и упрямо изогнутые пухлые губки. Он подумал, что эти восхитительные губки, наверное, свели с ума не одного ученика старших классов. Новая подружка Аллы хорошенькая, но какая-то невинная. Скользнув взглядом по плавным изгибам и выпуклостям, он тут же усомнился в правильности своих суждений

— скорее всего, эта святая невинность — мастерски созданный имидж, к которому так стремятся многие перспективно мыслящие девушки.

— Я могу войти? — спросил он, нарушая затянувшееся молчание.

— А вы к кому? — спросила девушка.

— Хороший вопрос.

— Я не шучу, — строго заметила подружка Аллы.

Похоже, сестрица даже не удосужилась сообщить, что у неё есть старший брат, который день и ночь мечтает вернуться на родину. Ситуация была почти комичной. Стас с радостью посмеялся, если бы не утомительный многочасовой перелёт через Атлантику и его идиотская выходка с поездкой на такси.

— Вообще-то я здесь живу. Меня зовут Станислав Дмитриевич Градский, — сообщил Стас, читая явное недоверие в глазах девушки. — Позови Аллу в конце концов, — нетерпеливо бросил он, борясь с раздражением и усталостью.

— А Аллы нет, — услышал он в ответ.

— Тогда что же ты здесь делаешь?

— Я домработница Градских. А у вас есть с собой паспорт?

— Разумеется, — Стас достал из внутреннего кармана пиджака паспорт и протянул ей. Английский замок щёлкнул. Он остался стоять перед закрытой дверью почти в невменяемом состоянии.

Как — эта стройная юная девушка в чёрной кофточке, облегающей упругую полную грудь, и — домработница?! Отец как-то упомянул в телефонном разговоре, что у них недавно появилась новая прислуга при весьма странных обстоятельствах, но Стас не проявлял интереса к этому вопросу, погружённый в более существенные дела. Он даже не удосужился спросить, молодая она или старая и есть ли у неё приличные рекомендации. Теперь он видел, что она молода, даже слишком молода, не зря же он принял её за подругу сестры, и уж тем более у неё не могло быть никаких рекомендаций, разве что только внешность и вполне зрелый подход к жизни. Это надо же, устроила ему проверку не хуже, чем американский чиновник на таможне. Сейчас для полного кайфа не хватает Вероники Самуиловны, соседки, живущей наверху. Или его студенческого дружка журналиста Андрюши Завадского, уж он бы отвёл душу, наблюдая эту дурацкую сценку.

Стас нетерпеливо топтался на месте, держа в одной руке кожаный портфель, в другой — чемодан. Дверь вновь открылась. На этот раз цепочку сняли и даже отступили в сторону, чтобы не мешать войти.

— Извините меня, пожалуйста, Станислав Дмитриевич, — сказала девуш-

ка, возвращая ему паспорт. Их пальцы на мгновенье соприкоснулись. По юному чистому лицу скользнула лёгкая тень недовольства. — Меня никто не предупредил, что вы сегодня прилетаете.

— Целиком моя вина, — извинился он абсолютно искренне, одарив её своей фирменной улыбкой счастливчика. — Захотелось экспромта, экзотики. Ощутил и то и другое в полной мере.

Стас наконец-то переступил порог родного жилища. Вообще-то он немного покривил душой, сказав девушке, что живёт здесь. У него была своя прекрасная квартира на Сретенке, но он предпочитал большую часть свободного времени проводить на Кутузовском — это создавало видимость семьи. Да и за подросшей Аллочкой нужен был глаз да глаз. Впрочем, сейчас его глаза внимательно присматривались к рыжим волосам с золотистым отливом и симпатичным веснушкам.

— Ну, теперь, когда мы так удачно разобрались с тем — кто я, может, скажешь, как зовут тебя? — мягко поинтересовался он.

— Анастасия Муравьёва, — представилась девушка. — Ой, что же это я стою? Вы, наверное, хотите принять ванну с дороги, перекусить и отдохнуть?

— Действительно хочу, Настя, и именно в такой последовательности.

Девушка стала подниматься наверх, Стас последовал за ней. Интересно, как она ладит с его взбалмошной сестрицей? Если память ему не изменяет, Анастасия Муравьёва живёт у них около двух месяцев. Занятная складывается ситуация — ему ещё никогда не доводилось спать под одной крышей с домработницей, да ещё с такой хорошенькой. Его взгляд, подчиняясь мужской природе, принялся блуждать по огненным бликам шелковистых волос, по округлым бёдрам, обтянутым прозрачным нейлоном стройным ногам, и Стас ничего не мог с собой поделать. Ему нравилось то, что он видел.

— Где тебя поселили? — спросил он, с трудом заставляя себя смотреть себе под ноги.

— Предпоследняя комната по коридору, рядом с тренажёрным залом. А что?

Стасу показалось, что в голосе девушки появилось напряжение.

— Да так. Вдруг я захочу зайти к тебе в гости.

— Это исключено.

Исключено! Не слишком ли категорично, всё-таки он на своей территории. Открывая дверь спальни и пропуская девушку вперёд, Стас размышлял об одном: чем же он так не угодил ей, этой блюстительнице порядка: тем, что появился внезапно, или тем, что появился вообще?

— Я сейчас принесу свежие полотенца, а потом оправлю вашу постель.

— Буду очень признателен. — Он снял пиджак, ослабил узел галстука, перед тем как расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке.

— А что вы хотите перекусить?

— А что ты можешь мне предложить?

Последовал внушительный перечень имеющихся в наличии блюд. Голодный молодой банкир, обладающий здоровым аппетитом, выбрал шпинат, грибные котлеты, фаршированные кабачки в сметане (непозволительная домашняя роскошь) и пиво.

Царственным движением отбросив огненную гриву волос за плечи, Настя направилась к выходу.

— Одну минуту. — Стас остановил её у самой двери. — Мне бы хотелось, чтобы ты называла меня по имени. Согласись, глупо обращаться ко мне на «вы», у нас не такая большая разница в возрасте.

— А разница в положении? — уточнила Настя.

— Я не страдаю манией величия. Друзья зовут меня Стасом.

— Хорошо.

— Хорошо — что?

— Хорошо, я буду называть вас, — она смутилась, — тебя по имени.

Стас видел, с каким трудом дались ей эти слова. Но в него будто чёрт вселился.

— Так как меня зовут? — поинтересовался он с самым невинным видом.

— Стас, — процедила она сквозь зубы, перед тем как уйти.

Настя не хотела подслушивать, это получилось само собой. Она собиралась пригласить мужчин к столу, но, услышав знакомый баритон, замерла под дверью кабинета.

— Миллион шансов против одного, что дело выгорит. Они ищут каналы выхода на наш нетронутый цивилизацией рынок. Просто хотят обойтись малой кровью.

— На этот раз ты сделаешь так, как я сказал. — Д.В. скорее просил, но не настаивал.

— А разве я не всегда поступаю, как ты велишь?

— Только и делаешь, что поступаешь наоборот. Говоришь одно, а потом идёшь и делаешь другое.

— Я ошибался?

— Пока нет. Но первая же ошибка такого рода будет стоить тебе поста

вице-президента. А пока отдыхай.

— Замечательно! — возмутился Стас.

— Не возражай. Чтобы неделю тебя не видел в банке. Ты три месяца подготавливал почву, наступила моя очередь поработать над этим проектом.

Настя торопливо постучалась.

— Дмитрий Васильевич, ужин готов.

— Спасибо, мы идём. — Д.В. похлопал сына по плечу. — Сейчас тебя ждёт кулинарная симфония.

Настя покраснела, услышав похвалу. Она действительно постаралась — всё-таки праздничный ужин.

Мужчины уселись за стол, развернули салфетки. Окинув торопливым взглядом, всё ли в порядке, Настя собралась уходить. Обычно она только сервировала и накрывала стол, с остальным Д.В. справлялся сам.

— Куда же ты, Настя? — Этот вопрос застал её врасплох. Она обернулась.

— К себе.

— Как же так? Даже не выпьешь с нами бокал шампанского? — Градский-младший обворожительно улыбнулся, снимая золотистую фольгу с бутылки.

Она покосилась на Д.В. — тот, как обычно, был погружён в мир цифр и подсчётов и ничего не замечал вокруг. Поделом ему будет, если кухарка воспользуется демократичным предложением сыночка и усядется распивать шампанское.

— Мне нужно уйти. — Для большей убедительности Настя посмотрела на ручные часики. — Я уже опаздываю.

Она не стала уточнять, что по вторникам, а сегодня и был вторник, у неё занятия на курсах.

— Ну что ж, не смею задерживать.

Практически бесшумный хлопок прозвучал как выстрел в спину.

Несколько часов спустя Настя, лёжа в кровати, смотрела телевизор. Она убеждала себя в том, что ей просто необходимо знать, сколько посуды может перемыть новый универсальный «Фэри». Но мысли её то и дело возвращались к тому моменту, когда она впервые увидела Градского-младшего.

Она сразу же отметила его безупречного покроя костюм, строгую рубашку с французскими манжетами и модный галстук — слава Богу, насмотрелась за эти месяцы на деловых людей нового поколения. Она так и подумала: «Еще один сотрудник Д.В., посланный за нужными бумагами. Сейчас раздастся зво-

нок из банка, подтверждающий её версию». Заметив дорожный чемодан у начищенных до блеска ботинок, она поняла свою ошибку. Но и тут ей в голову не пришло, что перед ней Станислав Градский. Услышав такое нелепое утверждение, она затребовала паспорт.

Чуть позже она безоговорочно согласилась с тем, что вела себя по-идиотски, но, как у всякой женщины, у неё нашлись этому оправдания. Во-первых, он появился неожиданно, во-вторых, она, по коротким телефонным диалогам, представляла его себе совсем иначе. Старше, солиднее, недоступнее и не таким уж красивым. А какие у него глаза, ярко-синие, как у Пола Ньюмена. Разве у простого смертного могут быть такие глаза, такая мужественная фигура? А когда он мягко подкупающе улыбнулся ей, она на миг ощутила приступ беспричинного восторга и почти сразу же вслед за этим осознала меру своей уязвимости.

С этой минуты Настя без устали напоминала себе: он не должен тебя интересовать. Ты не должна ни смотреть на него, ни разговаривать с ним без нужды. И, самое главное, ты не должна думать о нём. У тебя своя жизнь, а у него своя, ваши дороги случайно пересеклись и скоро разбегутся. Аутотренинг помогал до тех пор, пока она не услышала душераздирающий вопль Аллочки: «Стасик, свинтус этакий, приехал!», и весёлый раскатистый смех в ответ. Этот заразительный смех перевернул ей душу.

«Да что же это такое?!» — испугалась она, зарываясь горящим лицом в подушку.

Глава 10

ФАТАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

«Да что же это такое?!» — досадовал Стас, наблюдая за Настей, убирающейся в гостиной.

За те несколько дней, что он провёл дома в вынужденном безделье, она ни разу ему не улыбнулась, ни разу не открыла свой прелестный ротик, если только этого не требовали обстоятельства, ни разу не преступила за ту невидимую чёрту, что провела между ними. Вроде бы он не рыгает после обеда, не напивается до бесчувствия, не дёргает кошку за хвост, не разбрасывает грязное бельё и полотенца, в общем, не делает ничего такого, что может вызвать её неудовольствие, и тем не менее ясно видел, что девушку тяготит его присутствие.

Это понимание раздражало, выводило из себя, заставляло задуматься: почему же он, богатый, красивый, открытый к диалогу и стремящийся к дружбе интеллигентный мужчина, совершенно не нравится этой милой, трудолюбивой девушке в тесных джинсах?

…За эти два месяца Настя уже вполне освоилась в квартире. Она двигалась проворно, со знанием дела и вместе с тем изящно. Была у неё какая-то врождённая грация, несмотря на дурацкий фартук, завязанный пышным бантом на тонкой талии. Стас тайком любовался ею, но враждебное десятиминутное молчание утомит кого угодно. Он отложил журнал, в котором так и не прочитал ни единой строчки, и полез в карман за сигаретами.

— Скажи, тебе неприятен только я или все мужчины?

Прикуривая от зажигалки, он не сразу заметил, что Настины щёки вспыхнули румянцем.

— Я не понимаю, почему ты задаёшь мне этот вопрос?

Она была явно шокирована его бестактностью. Он и сам не знал, что вдруг на него нашло, обычно он вёл себя не столь агрессивно, даже когда его откровенно отвергали, впрочем, такое случалось с ним крайне редко. Стас почувствовал, как что-то похожее на вину шевельнулось в его душе. Перед ним же не рафинированная городская мисс, которая выдержит любой словесный прессинг и не поморщится, а скромная юная провинциалка. Сестрёнка уже посвятила его в некоторые подробности Настиной личной жизни. Из семьи учителей, блестяще окончила школу, прилично знает английский и французский, что же еще… ах, да, не поступила в МГУ и превратилась в домработницу. Почему она не уехала назад, в этот свой Нижневартовск? Тайна, покрытая мраком.

Стас взглянул на Настю, такую трогательную, рыжая коса растрепалась, глаза грустные, наверное, тоскует по родителям, ведь ей ещё нет восемнадцати, а он…

— Извини, я не хотел тебя обидеть, — пробормотал Стас, утопая в клубах сигаретного дыма.

Настя молча, с невозмутимым спокойствием взялась за пылесос, включила его и принялась с усердием водить по бордово-бежевым разводам уилтонского ковра. Минутой позже рычащий вихрь подступился к его ногам, обутым в домашние шлёпанцы. Стасу недвусмысленно намекали, что он здесь лишний. Ему ничего другого не оставалось, как покинуть гостиную. Через полчаса он хлопнул входной дверью. «Радуйся! Я исчез до глубокой ночи!»

Он возвратился домой в час двадцать одну минуту ночи. Ничего удивительного,

что Настя запомнила точное время: она лежала в постели и отсчитывала минуты на часах, думая только о нём.

В час тридцать пять она услышала, как хлопнула входная дверь, он поднялся к себе.

Проснувшись без пятнадцати семь, Настя услышала шаги по коридору. Они направлялись в сторону спортзала и были слишком легки и пружинисты для Д.В.

А в семь двадцать пять она уже порхала по кухне, готовила завтрак, наливала чайник. Наступал новый трудовой день, все разбегались по делам. Аллу через полчаса отвезёт в колледж Миша на «БМВ», Д.В., проглотив творожную запеканку, уже уехал на шестисотом «Мерседесе», за рулём которого сидел банковский шофёр, и только Стас наверняка останется в квартире, чтобы изводить её своим молчаливым присутствием или провокационными вопросами. Настя не знала, как с этим бороться, потому что всякий раз ей приходилось бороться и с собой. Её измучил этот волнующий, притягивающий к себе взгляд: куда бы она ни посмотрела, повсюду её встречали тёмно-синие глаза. Они то отталкивали холодным блеском, то манили своей глубиной. А стоило ему приблизиться к ней, заговорить, случайно дотронуться, как она чувствовала стремительно нарастающее возбуждение, и непослушное тело начинало реагировать на его мужские чары. Она бы ушла из этого дома, чтобы сохранить хоть капельку спокойствия, чтобы не видеть этих глаз, не слышать этого голоса, но здравый смысл и вечно пустой кошелёк в равной степени удерживали её от опрометчивого шага. Ещё два-три месяца, а там…

Настя обернулась на шум открывающейся двери и почувствовала, как к сердцу подступает разочарование. Градский-младший был при полном параде. Костюм серого цвета, белая рубашка, строгий галстук — значит, его короткий отпуск закончился, и он уезжает в свой «Кондор». За ним следом на кухню влетела Алла, как обычно, наряженная и накрашенная сверх всякой меры.

— Чем ты нас сегодня накормишь? — бодро пропела она.

Настя привычно перечислила имеющиеся под рукой блюда.

— Я буду мюсли с молоком, — выбрала Алла.

— А ты, Стас? — спросила Настя.

— Запеканку, если можно.

— Для Настин ничего невозможного нет, — небрежно усмехнулась Алла.

— Да. Я уже успел в этом убедиться, — задумчиво произнёс Стас.

Полчаса назад, выжимая штангу и щёлкая пряжками тренажёра, он пришёл к выводу, что испытывает всего лишь поверхностное влечение к мисс Недо-

троге. Принимая холодный душ, решил, что вскоре это сумасшествие пройдёт. Но когда он увидел Настю, в скромном синем платьице с белым воротничком и манжетами, он почувствовал себя примерно так же, как чувствует себя человек, которого лошадь лягнула в солнечное сплетение. Девушка словно сошла с английской гравюры, и взбесившиеся гормоны вновь заявили о себе.

— Стас!

Только нетерпеливый тон Аллы и выражение её лица смогли оторвать его от созерцания этой рыжей соблазнительницы.

— Извини, я отвлёкся.

— Вижу. Даже вижу на что, — ухмыльнулась Алла. Хорошо, что Настя в это время пыталась что-то достать с верхней полки шкафчика и стояла к ним спиной.

— Мне нужна твоя помощь, братик.

— Считай, что ты её уже получила. Только смотри, не пожалей потом!

— Очень смешно. Я хочу попросить тебя уговорить отца поехать с нами на Ривьеру.

— С нами?

Он как раз подумывал: а не пожить ли ему в Барвихе, чтобы поостыть.

— Надеюсь, ты присоединишься? Там мисс Совершенство по три штуки на каждом квадратном сантиметре пляжа, глядишь, и тебе какая-нибудь приглянется.

— Насчёт меня ничего не выйдет, — твёрдо сказал Стас, покачав головой для большей убедительности. Тут он заметил, что Настя смотрит на него в упор, но, перехватив его взгляд, она тут же принялась деловито задвигать и выдвигать ящики стола. Стас усмехнулся. Значит — не настолько она равнодушна к нему, как хочет изобразить. Настроение мгновенно поднялось на пять пунктов, и он раздумал перебираться в Барвиху.

— А как насчёт папочки? — гнула свою линию Аллочка.

— Постараюсь посодействовать, — пообещал он в порыве великодушия.

— Если я вам больше не нужна, я пойду. Мне нужно погладить бельё, — сказала Настя.

— А завтрак?

Стас попытался её удержать, но ему это не удалось. «Разве она должна гладить, а не прачка? И вообще, что Настя обязана делать в этом доме? Сколько часов работать?» Почему он раньше не задавался такими вопросами, она ведь не первая домашняя прислуга на его веку?

— Чай или кофе?

Сестре пришлось дважды переспросить, прежде чем он смог сосредоточиться и понять, о чём идёт речь.

— Кофе, чёрный, — наконец ответил Стас. — И не смотри на меня так, я не сахарный. Лучше скажи мне, какие у тебя планы на вечер?

— Занятия по дзю-до и дзю-после.

— А как же теннис?

— Теннис бывшая президентская игра, а дзю-до — нынешняя.

— Чем бы дитя не тешилось, лишь бы оно не вешалось, — проворчал Стас, разворачивая «Биржевые новости».

— И лишь бы оно не вешалось, после того как натешилось, — беззаботно отозвалась Алла.

— У тебя последний год в школе, надо думать о будущем.

— А что тут думать, поеду учиться в Америку или же выйду замуж за такого же богатенького, как и ты, нарожаю ему детишек, буду их воспитывать, тоже неплохой вариант.

— И это предел твоих мечтаний? Настя, между прочим, сейчас читает «Парфюмера» Патрика Зюскинда.

— Подумаешь, читает! — взорвалась Алла. — Вот как сочиняет! Я тут, между прочим, — передразнила она, — прочитала её письмо, забытое у дисплея, так она врёт в нём как сивый мерин, хоть и дворянка. Написала, что снимает комнату, работает в инвестиционной фирме секретарём и что за это ей платят 300 долларов.

— Читать чужие письма стыдно, — машинально заметил Стас, переворачивая страницу. — Какая дворянка? — спросил он, внезапно вникнув в смысл обличительной речи.

— А ты не знал, что наша Настин из бывших? Её пра-пра-пра — тот самый муравьёв, которого сослали в Сибирь за восстание на Сенатской площади.

— Интересно, — задумчиво произнёс Стас.

— Интересно другое, есть ли ещё у кого-нибудь в нашем кругу столь престижная домработница?

— Господи, и в кого ты такая уродилась?! Если уж на то пошло, её место не у гладильной доски, — он в сердцах швырнул газету, — а в ложе «Ковент-Гарден». И знаешь что, я бы с удовольствием…

— Алла, тебя Миша ждёт.

В дверях стояла Настя. Судя по её хмурому лицу, она слышала заключительную часть кухонной беседы.

Стас не заметил, как Алла вышла. Он смотрел в полыхающие гневом глаза

и не понимал, чем вызван этот неукротимый всплеск. Вроде бы он ничего предосудительного не сказал, почему же у него возникло ощущение внезапной и неизбежной катастрофы. А, гори всё синим пламенем! Стас поднялся.

— Спасибо за завтрак, — сказал он, обходя Настю и направляясь к выходу, — всё было очень вкусно.

Ответом ему было глухое молчание.

Оставшись одна, Настя перегладила кучу белья (включая и рубашки Стаса), потому что прачке Градских пришлось срочно выехать к больной сестре. Потом отправилась к поезду «Москва — Новосибирск», чтобы переслать со знакомым проводником посылку, то самое письмо, которое обсуждалось утром, и деньги родным. Был конец октября, Д.В. выдал ей зарплату — 300 долларов.

…Они немного поговорили с проводником — соседом по подъезду. Кирочка вышла замуж, завод собираются выкупать иностранные инвесторы, зарплату по-прежнему платят раз в полгода, а бананы не дешевеют, нельзя лишний раз побаловать детей. Настя слушала, кивала головой, но ощущала, как она далека от всего этого. И всё же беседа о доме разбередила ей душу.

Решив, что она вполне заслужила чашечку кофе с пирожным, Настя зашла в кафе. Тут-то к ней и подсел мужчина неопределённого возраста с тонкими холёными усиками.

— Девушка, я целых пятнадцать минут наблюдал за вами, — заметив холодный блеск в глазах Насти, он замахал руками, — нет, нет, вы меня неправильно поняли, я хочу предложить вам работу.

— Работу? — Сердце её глухо забилось.

— Хорошую высокооплачиваемую работу, — подчеркнул мужчина.

Настя возликовала.

— Ночной респектабельный клуб, без интимных услуг, — сразу же перешёл к делу наниматель, и Настя сникла. — Девушки у нас только на подиуме, даже официанты молодые парни, чтобы не отвлекать публику.

Оглядевшись немного в столице, Настя утратила изрядную долю провинциальной застенчивости. Раньше она рыдала бы взахлёб, услышав подобное предложение, но после того как Алла из спортивного интереса познакомила её с содержимым одного из секс-шопов, Настя смогла гордо расправить плечи и изобразить на лице безразличие.

— Стриптиз-клуб, где женщины потчуют своими прелестями за деньги, — уточнила она.

— Ну зачем так, — миролюбиво отозвался незнакомец. — Можно рассматривать это как вид искусства. Красивая картина, статуя или тело всегда

привлекают внимание. Вы не согласны со мной?

Настя покачала головой.

— Мне ваше предложение не подходит, — чётко произнесла она.

— Не отказывайтесь так сразу, — мужчина сунул ей в руки визитную карточку. — Я же вижу, вам нужны деньги. А с вашими внешними данными и этим натуральным цветом… это ведь натуральный цвет волос?

— Да, — машинально ответила Настя.

— Вот. Вы будете иметь бешеный успех и зарплату в тысячу долларов. Помимо этого цветы, поклонники, поездки за границу. У нас щадящий режим работы, бесплатные дантист и массажист, не говоря уже о гинекологе.

Цифра, которую обещали за демонстрацию отдельных оголённых частей тела, ошеломляла, бесплатные медицинские услуги — вводили в благоговейный трепет, но даже красочно расписанные блага не смогли поколебать твёрдость сибирского духа.

— Не в этом дело, — сказала Настя, чтобы уж отвязаться раз и навсегда. — Просто у меня на теле ужасные шрамы от плётки. Любовник попался слишком горячий.

Она расплатилась, встала и вышла на улицу.

«Поздравляю, девушка, ты пользуешься успехом, тебя сегодня дважды хотели купить, — сказала она самой себе не без доли злой иронии. — Один раз ложей в Лондонской опере, другой — щадящим режимом работы в стриптиз-клубе». Странно, но почему-то первое предложение не вызвало в ней сейчас такого бурного протеста, как в тот момент, когда она его случайно услышала. Видимо, всё познаётся в сравнении. Визитку Настя порвала и долго смотрела, как мелкие кусочки разносят по скверу порывы осеннего ветра.

Глава 11

МУКИ ЛЮБВИ

Войдя в квартиру, Стас повесил плащ, пригладил перед зеркалом растрепавшиеся волосы. В последние две недели у него нашлось множество причин покидать свой кабинет и появляться дома в неурочное время. Вот и теперь часы показывали половину третьего.

Из гостиной доносились звуки музыки. Фантазия ре минор Моцарта, безошибочно определил Стас. «Для Аллы слишком вдохновенно и виртуозно»,

— подумал он, осторожно открывая дверь в комнату.

Настя заметила его только, когда он оказался рядом с роялем.

Её руки замерли, а потом безвольно упали на колени. Она попыталась подняться, он удержал её.

— Извини. Я протирала пыль, а потом как-то так получилось, — оправдывалась Настя, глядя на него снизу вверх, — я давно не играла…

— А мне понравилось твоё исполнение.

— Правда?

«Как же она очаровательна и желанна, когда волнуется, — подумал Стас. — Отдаёт ли она себе отчёт в этом? Вряд ли. Ей не знакома игра под названием «флирт», тут всё от сердца, по велению души. Музыка, чувства, ощущения…»

— Подвинься немного, — сказал он и, воспользовавшись её замешательством, придвинул стул к роялю.

На секунду он склонился к клавишам, и… продолжил с того места, где она остановилась, перейдя в другую тональность.

Настя прикрыла глаза. Медленная тревожная музыка, полная ассоциаций, щемила ей сердце. Стас играл с каким-то внутренним вдохновением, будто понимал её состояние. Но вот последний аккорд. Их окутала тишина, и, только открыв глаза, Настя поняла, что сидит слишком близко к Стасу и что он неотрывно смотрит на неё. Поддавшись неясному порыву, она потянулась навстречу и не помнила, как оказалась в его объятиях.

— Милая, хорошая, чудная моя… — шептал он словно в бреду, осыпая её лицо частыми поцелуями.

Настя утонула в океане блаженства, млела от жарких ласкающих слов. Она с неистовым желанием прижалась к мощному телу и ощутила, как по нему прокатилась волна дрожи. И тут её мозг выхватил картину из прошлого. Она вспомнила другое содрогающееся в экстазе тело и отчаянно забилась в сильных руках.

— Отпусти, не хочу… слышишь…

— Тсс, тихо. — Он прижал её голову к себе и принялся бережно баюкать в своих объятиях. — Я не сделаю тебе больно.

— Сделаешь. Конечно, сделаешь. — Настин голос звучал глухо и сбивчиво. — Мне уже больно, я не хочу, ничего не хочу от тебя… — Она вырвалась, бросилась наверх.

Стас не стал её удерживать, он сам был ошеломлён этой вспышкой. Что же сделали с ней, если она так боится любить? В том, что здесь замешан другой мужчина, сомнений не было. Если бы ему представилась возможность заняться

с ней любовью, он бы своими ласками стёр из её памяти тяжёлые воспоминания. Он показал бы ей, что любовь может быть нежной и обжигающей, что она может низвергать в бездну, дарить бесконечное наслаждение. Стас помнил, как только что держал Настю в руках, как целовал. Губы её были мягкими и в общем-то неумелыми. Восемнадцать лет, а она толком не знает, что делать со своим язычком, как отвечать на интимную ласку его языка. Она не знает, что такое страстный поцелуй, а как она трепетала в его объятиях! Пылкая и притом чистая девочка: её познания в сексе практически равны нулю. Это открытие чрезвычайно порадовало его.

Стас торопливо взбежал по ступенькам. Стукнул костяшками пальцев в дверь:

— Настя, открой. Нам нужно поговорить.

— Не сейчас! — выкрикнула она.

Он собирался её убедить, пустив в ход адвокатское красноречие (не зря же закончил юрфак), но в эту минуту хлопнула входная дверь, раздались голоса. Миша привёз Аллу из школы. Хорош же он будет, если шофёр и сестра застанут вице-президента банка под Настиной дверью, исполняющим брачный танец бабуина.

Пришлось уйти в свою комнату и признать временное поражение. Но если Анастасия надеется, что сможет сделать вид, будто между ними ничего не произошло, потому что… собственно, почему?..

Настя закрыла дверь на ключ и бросилась на кровать. Какой ужас! Москва переполнена скромными неприметными парнями, почему же её угораздило влюбиться именно в этого баловня судьбы, не знающего слова «нет».

«Влюбиться?! Кто сказал влюбиться? Неужели я влюбилась? Да нет, не может быть! — успокаивала она себя и своё быстро бьющееся сердце. — Просто я несведуща в таких делах, вот мне и мерещится любовь там, где её нет. И вообще, любовь в неволе не рождается».

Но, вопреки собственным уверениям, её тело пылало огнём от одних только воспоминаний. Ошеломляющие поцелуи и ласки Стаса застигли её врасплох. Все её чувства обострились, и, хотя она словно плыла в тумане, мозг продолжал фиксировать любую мелочь. Она отчётливо помнила, что от Стаса пахло чем-то терпким и в то же время свежим, а грудь его была как каменная стена, и потом эта дрожь, свидетельство его желания… Её ужаснули воспоминания, на миг вырвавшиеся из-под контроля, а вовсе не сильное возбуждённое тело. Она была уверена, что Стас никогда не причинит ей физической боли. И когда она гово-

рила ему, что ей уже больно, она имела в виду иную боль — душевную. Раны в сердце заживают намного дольше, если вообще заживают. Да, Стас несомненно хотел её, но желание и любовь бесконечно далеки друг от друга, чтобы это понять, не нужно обладать большим опытом.

Что же ей теперь делать, опять собирать вещички? И куда идти? На что жить? И главное, как вытравить из сердца эту несбыточную мечту — завладеть его сердцем. Так ничего и не решив, она провалилась в тяжёлый сон.

Настя проснулась, как будто кто-то толкнул её. Часы показывали начало седьмого. В восемь ужин. Даже если Д.В. и не приезжал домой ужинать, это не освобождало её от обязанности приготовить что-нибудь горячее. Вообще-то девушка считала кулинарию искусством, но сегодня ей не хотелось возиться у плиты. После такой встряски она ощущала себя совсем разбитой. В морозилке лежали запечатанные в полиэтилен ростбифы. Их она и приготовит с рисом и овощами.

Настя приняла душ, переоделась в джинсы и вязаную кофточку, которую ей в порыве любви подарила Алла, и посмотрела в зеркало. «Помни, — сказала она своему отражению, — Фортуна благоволит к сильным». Напутствовав себя таким образом, Настя открыла дверь и… упала в распахнутые объятия.

— Я знал, что ты выйдешь, — прошептал Стас, прижимая её к себе.

— Так нельзя, — Настя упёрлась ему в грудь кулачками. Он прижался к её губам, раздвинул их языком и проник в глубину рта. Тело Насти пронзила сладкая боль, она ответила на поцелуй, забывая о своём намерении — быть сильной. «Удручающая непоследовательность», — пронеслось у неё в голове, но это уже ничего не могло изменить.

— Одевайся, мы уходим.

— Куда?

События развивались слишком стремительно. Стас только что её поцеловал, а теперь уже тянул за руку вниз по ступенькам. Таким неистовым, почти буйным, она его ни разу не видела.

— Я не могу уйти. — Настя сопротивлялась изо всех сил. Возможно, она и сошла с ума, заблудившись в любовных фантазиях, но у неё есть обязанности, которыми не следует пренебрегать. — Мне нужно заниматься ужином.

— Сами приготовят, не маленькие! — сказал Стас, снимая её пуховую куртку с вешалки. — Я собираюсь показать тебе свои любимые места. — Его глаза сверкали, как алмазы, мешая ей сосредоточиться. — Арбат с его двориками, Никитские ворота, мы зайдём в храм Большого Вознесения, где венчался Пушкин, потом прогуляемся по центру, пройдёмся по Большому Каменному

мосту, поужинаем где-нибудь.

У Насти кружилась голова от свалившегося на неё счастья. Он уже набросил на плечи короткую дублёнку, шарф и ждал её.

— Ты хочешь, чтобы у меня были неприятности? — сказала она. И тут же поняла, что сопротивляется как-то вяло, и даже возражая, позволяет ему надеть на себя тёплый пуховик.

— Глупости. И учти, пока я с тобой, у тебя не может быть неприятностей.

«Пока я с тобой, — эхом отозвалось в её сердце, — надолго ли?» Но размышлять об этом было некогда, Стас распахнул перед ней входную дверь.

Он оказался чудесным гидом и собеседником, рассказал ей историю названия старинных улочек. Вспомнил Гиляровского и его рассказы о Москве. Выходя из церкви, взял её за руку и больше их сплетённые пальцы практически не разлучались, потом он повёл её в маленький ресторанчик перекусить и согреться. И они всё время о чем-то говорили. Напряжённость между ними незаметно исчезла. Настя удивилась, узнав, как похожи их вкусы. Он любил тишину, она тоже, он любил классическую музыку, ей всегда хотелось услышать лучшие оперные голоса и насладиться ими. Он восхищался Байроном, она ещё в школе читала именно Байрона на торжественном вечере. И так почти во всём, стоило ей начать рассказывать, как он подхватывал её мысль и развивал её дальше. С каждой минутой она чувствовала себя всё ближе и ближе к нему. Ей хотелось, чтобы этот вечер не кончался никогда.

Но всё проходит. И вот они уже оказались возле дома. Она улыбнулась Стасу, благодарная за эту прогулку, за его тёплый взгляд.

— Мне кажется, что ты сейчас счастлива, — произнёс он, легко коснувшись её щеки.

— Да. Я счастлива, — вздохнула Настя. — Но боюсь, что это не для меня, — она мельком взглянула на роскошный «Порше», на высотный дом.

Он нахмурился.

— Как ты думаешь, ради чего я всё это затеял?

— Не знаю, думаю, ради секса, — смело ответила она, решив, что всё равно этого разговора им не избежать.

— Ради секса? Какой же ты ещё ребёнок! Нет, я хочу, чтобы ты, встречая меня, улыбалась. Хочу, чтобы из твоих глаз исчезла пугливая настороженность, чтобы они всегда светились мягким светом, вот как сейчас.

Настя была оглушена его признанием. Она увидела его потемневшие, став-

шие незнакомыми глаза.

Вздрогнув, она прильнула к нему. Он приподнял её голову за подбородок и нашёл её губы. Это был совершенно иной поцелуй. Нежный, успокаивающий, обещающий. Он был так восхитителен, что Настя полностью подчинилась ему. И только одна мысль продолжала волновать: что будет, когда они окажутся у дверей её комнаты?

Ей не пришлось слишком долго мучаться неизвестностью.

— Спокойной ночи, — сказал Стас, притронулся к щеке лёгким поцелуем и пошёл вниз.

Насте не спалось. Она, конечно, была рада, что Стас не стал настаивать на физической близости, но, сколько ни ломала над этим голову, так и не смогла понять причины. В начале двенадцатого хлопнула дверь. Вернулся Д.В. с очередной презентации. Некоторое время отец и сын о чём-то говорили, потом в квартире наступила тишина. Неожиданно Настя вспомнила, что не видела и не слышала Аллу. Значит, королева Хаоса опять загуляла и даже не удосужилась позвонить. «Утром, всё утром», — подумала она, засыпая.

— Где ты была?

Алла появилась в квартире после десяти, предусмотрительно дождавшись, пока Стас и Д.В. уедут в банк.

— Где я была, там меня уже нет, — беззаботно усмехнулась Алла. — А что? Кто-то по мне соскучился?

— Стас звонил, спрашивал, не объявилась ли ты.

— Ну вот, я объявилась. И что? — Алла, бесцеремонно задрав узкое платье к бёдрам, уселась на пороге. — Да брось ты эту метлу, — капризно потребовала она и потянула Настю к себе на посиделки. — Сядь. Хочешь, я расскажу тебе, где и с кем провела эту ночь.

— Нет уж, уволь, — рванулась Настя. — Мне твои откровения ни к чему. Вот придёт Стас или отец им и расскажешь.

— Как же! Им я навру, — честно призналась Алла, — скажу, что ночевала у Вики. Там уже всё схвачено. А на самом деле я ночевала у Вадика. Фантастика, а не парень, — раздался довольно глупый смешок. — У него вместо зарядки камасутра. Настя старалась не слушать, но ведь она же, в конце концов, не глухая. — Мы с ним утром два раза без передышки, представляешь?

— Знаешь что? — не выдержала она и стукнула кулаком по гладкой полированной поверхности ореховой столешницы восемнадцатого века так, что мейсенские статуэтки подпрыгнули. — Нравится тебе гробить свою жизнь, де-

лай это, ты уже вполне взрослая девочка. Только не нужно изображать из себя наркоманку от любви! А то получается, чтобы досадить родным, я себе нос откушу!

— Да что ты понимаешь в жизни, Золушка, подцепившая банковского принца! — неожиданно вскипела Алла. — Знаешь ли ты, что такое засыпать и просыпаться с мыслью, что твоя мать умерла из-за тебя?

Настя опешила, увидев перекошенное от боли лицо. Она, конечно, слышала, что мать Аллы умерла при родах, видела её портрет в кабинете, но ей не могло прийти в голову, что такая благополучная и разбитная московская девица может винить себя в этом.

Она подсела к Алле, взяла её за руку:

— Как же это произошло?

— Ей не разрешили рожать, а она не послушалась врачей. В результате я выжила, а она — нет. Отец не может забыть, что мой день рождения — день смерти его любимой жены. Мне покупают всё, на что я ткну пальцем, возят туда, куда я пожелаю, но мой день рождения не отмечается. Его просто нет в природе.

— Глупости. Дмитрий Васильевич тебя любит. И сам мучается, что не умеет быть примерным отцом.

— Откуда ты это знаешь?

— Я вижу. У меня в отличие от тебя не лежит три килограмма краски на ресницах и нет такой путаницы в голове. И знаешь что, я думаю, твоей маме не нравится то, что она видит сейчас. Не для того она подарила тебе жизнь, чтобы ты профукала её в развлечениях и чужих постелях.

Алла захлопала ресницами совсем как малый ребёнок.

— Ты что же, веришь в загробную жизнь, в рай, в адовы муки?

— Верю, — ответила Настя. Сейчас она верила во всё, что могло помочь королеве Хаоса избавиться от незаслуженного чувства вины. — Знаешь, есть такая китайская поговорка: «Не важно, что ты не делаешь хороших поступков, главное, что не совершаешь плохих». По-моему, верно сказано.

Некоторое время они сидели молча — плечо к плечу, как самые настоящие подруги.

— Думаешь, мне не осточертело? — внезапно сказала Алла бесцветным голосом. — Все эти вечеринки на загородных виллах, тупые разговоры — у кого сколько шуб и поклонников. Надоело, но что делать? Все так живут.

— Можно попробовать изменить себя, — предложила Настя осторожно.

— Это будет непросто.

— Да. Это будет непросто. Но на свете множество непростых дел.

В эту минуту раздался телефонный звонок.

— Сиди, всё равно меня.

Алла встала, сняла трубку.

— Да, да, перестань, Стас, — наступила тишина. Алла внимательно слушала, что ей говорили и, судя по выражению её глаз, ей не нравилось то, что она слышала. — Ну это мы ещё посмотрим, — резко заключила она и нажала на рычаг.

— Обещал выпороть по первое число. Хорошо, что сегодня тридцатое, не долго терпеть, — пошутила она. — Слушай, Настин, а что между тобой и Стасом происходит?

— Ничего не происходит, — ответила Настя. И тут же покраснела. Так случалось всегда, когда она вынуждена была обманывать.

— Ну, ну, секретничайте дальше. Я ушла к себе.

Алла отправилась отсыпаться, а Настя оделась и попросила Мишу отвезти её в банк. Всю дорогу она размышляла: имеет ли право вмешиваться в чужие семейные проблемы? К счастью, молодость нетерпима — она не даёт возможности долго сомневаться. Через полчаса взволнованная девушка сидела в кабинете Д.В., а ещё через полчаса она вышла на улицу весёлая и довольная.

Глава 12

РАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Стас работал в кабинете с документами (он слишком часто отвлекался от дел в последнее время), когда внизу послышался шум открывающейся двери и голоса: Алла что-то говорила отцу, тот смеялся. Давно Стас не видел отца таким оживлённым. Он стал больше времени проводить дома, проявлять интерес не только к финансовым вопросам, и даже сегодня, в субботу, он и Алла (вдвоём!) ездили выбирать себе маршрут для отдыха. С Аллой тоже происходят приятные превращения — меньше косметики на лице, меньше яду, реже слышно слово «хочу». Да! В их доме грядут изменения, и не только в доме, но и в его личной жизни. Стас давно уже определился с тем чувством, что беспокоило его, конечно, это любовь — причём та самая, единственная на всю жизнь, и он не сомневался, что она взаимна. Анастасия слишком искренна, открыта, у неё всё написано на лице. Как она обрадовалась, когда он повёл её на Райкина-младше-

го, а потом на открытие выставки современного дизайна. И как она негодовала, попав на «спорного» и не менее модного Виктюка с его «Служанками». Ему нравилось её радовать, нравилось наблюдать за её непосредственной реакцией. На Рождество Стас запланировал уикенд в Париже, только ей пока ещё рано об этом знать. Это станет для неё сюрпризом. Театральный фестиваль, Елисейские поля, ужин в «Купола», красивое вечернее платье, украшения. Насчёт последнего у него возникли некоторые сомнения — захочет ли она принять от него такого рода подарки, поэтому он решил солгать — сказать, что дополнительные аксессуары взяты им напрокат. Стас мечтал о ней по ночам, безумно хотел заняться с ней любовью, но переступить порог её комнаты не решался. Она сама должна прийти к нему, сама, по доброй воле, иначе всё не имеет смысла. Телефонный звонок прервал его мысли, он поднял трубку, потому что ждал звонка Андрюши Завадского. Внизу, одновременно с ним, кто-то снял трубку параллельного телефона.

— Привет, милая.

Стас решил, что это очередной поклонник сестры и уже собрался нажать на рычажок аппарата, но тут он услышал голос Насти.

— Как ты меня разыскал?

Стас сжал трубку в руке, уловив напряжение в голосе любимой.

— Я хочу тебя видеть, — сказал парень, не отвечая на её вопрос.

— Ни за что, — бросила Настя.

— У тебя нет выбора. Советую тебе не артачиться, ты ведь знаешь, чем заканчиваются споры со мной. В общем, я буду ждать тебя сегодня в восемь в «Лабиринте» на Крымском валу. Не опаздывай, Настенька.

Стас положил трубку одновременно с участниками разговора. «Настенька»! Он устало потёр лоб, потом с раздражением отодвинул от себя документы и задумался. Спустя несколько минут разыскал Настю на кухне. Она заметно нервничала. Он успел изучить её привычки, когда её съедала какая-то забота, она начинала готовить, убирать, тереть, в общем, отвлекать себя.

— Что мы делаем сегодня вечером? — бодро спросил он, целуя её в шею.

— Стас, сюда могут войти, — Настя увернулась от его губ, с опаской покосилась на дверь.

— А я не собираюсь ни от кого прятаться и не вижу причин скрывать наших с тобой отношений.

Он вновь попытался обнять её, она опять уклонилась в сторону.

— Предлагаю пойти в гости к моему приятелю. Андрей давно хочет с тобой познакомиться. Даже упрекает меня в том, что я прячу тебя от него, потому

что боюсь конкуренции.

«Ну давай же, откройся мне, доверься», — упрашивал он, машинально наблюдая, как по лицу девушки пробегает тень сомнения.

— Я сегодня занята, — ответила Настя, лишая его иллюзий в отношении собственной неотразимости. Все его старания напрасны — она не доверяет ему настолько, чтобы поделиться с ним своими проблемами. А может, и нет никаких проблем, может, он придумал их. Может, подслушанный им разговор всего лишь разборка любовников, временно уставших друг от друга? Эта мысль ошеломила его. Он забыл, что несколько минут назад был уверен в её ответном чувстве. К тому же сейчас его собственными чувствами руководила ревность.

— Чем же ты занята? — спросил он резче, чем ему хотелось бы.

— У меня что, нет права на личную жизнь? — ощетинилась Настя.

— С некоторых пор твоя личная жизнь переплелась с моей, тебе так не кажется?

Настя упрямо поджала губы. Это упорное молчание задело его самолюбие, но он каким-то чудом сдержался.

— Я же вижу, — зашёл он с другого бока, смягчив тон, — ты нервничаешь, тебя что-то беспокоит, может быть, я смогу тебе помочь? Расскажи мне.

— Это длинная история.

— Ничего. Я люблю длинные истории, — пошутил Стас.

— Эта тебе не понравится, — жёстко сказала Настя. — И прошу тебя, давай прекратим этот разговор.

— Если ты так настаиваешь, — согласился он, абсолютно уверенный в том, что ему ничто не сможет помешать оказаться в «Лабиринте» в восемь часов.

«Очень удачное место и полностью отвечает названию», — подумал Стас, входя в ресторан, столики которого стояли в продуманном беспорядке и были разделены невысокими тонкими перегородками. Он появился в зале пять минут девятого, шёл, буквально наступая на пятки своей возлюбленной, и не боялся быть узнанным. Друг Андрюша, сотрудник газеты «Криминальные новости», загримировал Стаса так, что его бы и отец родной не узнал. В зеркалах отражался импозантный седой мужчина, с брюшком, усами и тростью. Глупо, конечно, но ничего не поделаешь.

Стас огляделся, яркая головка Насти выглядывала из-за перегородки. Мужчина сидел к нему спиной. Стас успел заметить, что он молод, широк в плечах и прилично одет. «Дойдет до драки, она будет крепкой!» — решил он. Разумеется,

Стас выбрал столик рядом с этой парой, сказал официанту, что ждёт свою даму и сделает заказ позже. Успокоившись большими чаевыми, официант поспешил стричь купоны с других посетителей. Стас прислушался к разговору.

— Что будем заказывать? — спросил мужчина.

— Я пришла сюда не ужинать.

Это было произнесено подчёркнуто вежливым тоном. «Своего рода самозащита», — подумал Стас, закурив.

— Как ты меня нашёл?

— Не даёт тебе это покоя?

Он всё же сделал заказ: салат из морской капусты с грецкими орехами, омары, шашлык из осетрины, белое вино.

«Моей спутнице то же самое», — услышал Стас.

После того как официант отошёл, мужчина продолжил разговор:

— Ты ведь живёшь в квартире Градского Дмитрия Васильевича? У него есть дочь. Отзывчивая на ласку девушка по имени Алла. А у неё в свою очередь есть друг Вадик. Тебе это имя ничего не напоминает?

— Вадик? — переспросила Настя. — Ирочкин Вадик?

— Ты всегда была сообразительной девочкой, — любитель морепродуктов рассмеялся. — А ещё говорят, что у случайности не бывает союзников. Как видишь, бывает. Он недавно провожал свою пассию Аллочку и увидел тебя. Дальше всё было просто. «Игорек! Знаешь, кого я встретил? Настю. Ту самую, которую ты разыскиваешь через паспортный стол, деканат, бывших друзей и префектуры всех округов».

— Что ж, — Настя тяжело вздохнула, — ты меня разыскал, что дальше?

— Дальше? Дальше многое будет зависеть от тебя. Если вернёшь украденный товар, то будешь жить счастливо и долго.

— Какой товар?

— Не прикидывайся наивной простушкой. Ты хотела наказать меня за ту ночь, когда я надрался и потерял контроль над собой. Но мне почему-то кажется, что килограмм качественного героина стоимостью в пятьдесят тысяч долларов слишком большая цена за твою девственность.

«Девственность, — звенело у Стаса в голове. — Этот ублюдок изнасиловал её, воспользовался её беззащитностью и доверчивостью! Господи! Что же ей пришлось пережить! — У него потемнело в глазах, болезненно засосало под ложечкой. — Мразь! Подонок! — Он уставился на свои сжатые кулаки и, призвав на помощь всю свою волю, заставил себя расслабиться. — Не сейчас! Ещё не время».

— Я ничего у тебя не брала, — услышал он сквозь пелену тумана. — Если это всё, что ты хотел выяснить, то я ухожу.

— Не так быстро, — в низком голосе зазвучали металлические нотки. — Ни одна живая душа не знала о тайнике в Красково, только ты. Что же мне теперь думать?

— Думай что хочешь, но если ты не оставишь меня в покое, я обращусь в милицию.

— Понятно. Нечто подобное я мог предположить, когда ехал сюда. Ну и что ты им предъявишь в качестве доказательства? Ничего, только свои слова, вернее, фантазии. Так что пошевели своими умненькими мозгами и верни мне героин или деньги. В общем, даю тебе три дня на размышления. А потом, если не подашь о себе вестей, я начну действовать. Ты даже не представляешь, что может случиться в таком большом городе, как Москва. Ты, например, можешь попасть под машину, твоё прекрасное личико могут изуродовать острым лезвием случайные хулиганы, тебя может изнасиловать не такой стерильно чистый, как я. Ради твоего же блага не заставляй меня прибегать к этому.

— Ты не посмеешь! — Голос Насти дрожал от волнения.

— Плохо меня знаешь, девочка. Я всегда делаю то, что считаю нужным делать. Звонить тебе я больше не буду — мы всё выяснили, во всём разобрались. Если ты передумаешь, то сможешь связаться со мной по электронной почте. Заодно и попрактикуешься, ты ведь теперь ас в этом деле.

Стас проводил совершенно потерянную Настю до остановки, радуясь, что у неё хватило ума взять такси. Затем вернулся к ресторану и разыскал свой «Порше» на стоянке. Он позвонил с мобильного знакомому фээсбэшнику, снял некоторую сумму со своего счёта, а затем отправился в одно злачное местечко, чтобы прикупить дури, много дури. В голове у него созрел план, и если всё получится так, как он задумал, то доморощенный наркобарон с замашками садиста почтёт смерть за великое благо.

Настя оказалась в квартире в начале десятого. Её встретила тишина. У Д.В. и Аллы вошло в привычку ужинать по субботам в ресторане, Стас куда-то исчез, наверное, отправился к своему приятелю, как и собирался. Настя даже обрадовалась этому — она не могла бы сейчас разговаривать с ним, отвечать на его вопросы, смотреть ему в глаза и делать вид, что с ней всё в порядке. А она была далеко не в порядке. Её нервы были взвинчены до предела, мысли путались, ускользали от понимания. Три дня… Ей дали три дня, а потом…

Что она сможет сделать за этот короткий срок? Найти пятьдесят тысяч

долларов, чтобы избавиться от преследований? Где? На дороге они не валяются. Рассказать Д.В., попросить его помощи? Язык не повернётся. Стас?! С ним труднее всего. Настя и сама не понимала, что удерживало её от откровенного разговора с ним — гордость, стыд, боязнь увидеть в его глазах жалость, наверное, всё вместе.

К утру она приняла решение — болезненное, но необходимое.

— Дмитрий Васильевич, я хочу взять расчёт.

— Что такое? — всполошился Д.В., отрываясь от воскресного кофе. — Тебя Алла обидела?

— Опять Алла, — возмутилась та. — Чуть что, Алла! Лучше спроси…

— Нет, — поспешила вмешаться Настя, стараясь не смотреть на Стаса. — Меня никто не обижал. Просто я решила вернуться домой, в Нижневартовск.

— В Нижневартовск? — удивился Д.В. — А что так вдруг?

— Глупости! — фыркнула Алла. — Ты никуда не уедешь. Хотя я тебя знаю, ты упёртая! — Она повернулась к отцу.

— Подожди ты, — остановил её Д.В. — Возможно, у неё что-то дома случилось?

— Да нет же. — Настя подумала: «Не дай Бог» и мысленно постучала по деревяшке. — Просто я решила, что институты есть и у нас. В Новосибирске, например, их с десяток. А дома и стены помогают.

— Это у тебя нервы расшатались, всё пройдёт. Никуда не нужно уезжать…

— Папочка, у тебя ведь кругом связи…

Настя не стерпела, взглянула на Стаса. Он сидел, крепко сжав губы, а в его синих глазах мерцали льдинки. И он молчал, даже не пытался уговорить её остаться.

«Нет, не любит, — подумала она. — И хорошо. Легче будет забыть».

Компьютер пискнул, предупреждая, что поступило сообщение по электронной почте. Игорь подошёл, сел за клавиатуру. На мониторе в секторе «поступление сообщений» появилась надпись «коктейль кав. «Лапки».

Игорь усмехнулся — тонкое чувство юмора и опасное. Раскрыв сообщение, он прочитал лаконичную запись:

Казанский вокзал. Ячейка 37. Код — 1723.

Он посмотрел на обратный адрес. «А» — Анастасия. Сдалась и решила таким образом вернуть ему его «белое золото»? Ради Бога! Если ей так неприятен

его вид, он вполне довольствуется этим сообщением. Стоило только припугнуть, как следует надавить на наивную девочку и не прошло, что называется, полгода, как он смог вернуть свои деньги. На всякий случай он удалил сообщение — хранить послание с таким опасным названием верх безрассудства — и отправился на Казанский вокзал.

Глава 13

ЛЮБОВЬ ВСЕСИЛЬНА

Стас остался доволен своим планом. Это и вправду был великолепный замысел, и он бы чувствовал себя вполне счастливым, если бы не желание Насти исчезнуть из его жизни. Он понимал, чем вызван этот побег, — боязнью и безысходностью положения, в котором она оказалась. Ну, положим, с этим он разобрался буквально пару часов назад. Ему понадобилось полтора дня, чтобы выяснить всю подноготную наркоторговца — где живёт, с кем, чем дышит. Изучив досье, Стас начал действовать. Отправив сообщение «Коктейль «Экстази», он поехал на вокзал, прихватив Андрея из «Криминальных новостей» (какая удача, что приятель работает в нужной газете). Тот повизгивал от восторга, щёлкая затвором «Кодака», когда наркодельцу крутили руки сотрудники ФСБ. Стас правильно рассчитал. Такой наглый самоуверенный тип не станет ждать, проверять — он примчится за добычей сразу. Что ж, вместо одного его ждали полтора килограмма стопроцентного чистейшего, как слеза, героина — это хороший улов, тянет лет на шесть строгого режима, а если и не тянет, то Стас сделает так, чтобы потянуло. К тому же у него возникали вполне обоснованные сомнения, что этот тип теперь сможет выбраться с нар. Завтра утром в «Криминальных новостях» появится сообщение о доблестной работе наших спецорганов, которые изъяли крупную партию наркотиков, и фотография наркодельца (это обязательно). Андрюша Завадский получит премию и благодарность от главного редактора за горяченький материал. Константин Самойлов, капитан ФСБ и его приятель, ещё одну звёздочку на погоны. Возникал справедливый вопрос: что принесла одержанная победа лично ему? Моральное удовлетворение, подтверждающее истину, что зло не остаётся безнаказанным? Безусловно! Но это не прибавляло радости. Единственная награда, которую Стас жаждал всем сердцем, была Анастасия. А она, между прочим, собиралась завтра в два часа дня сесть в поезд «Москва — Новосибирск». Вот над этим ему ещё пред-

стояло поломать голову.

Настя, с трудом сдерживая слёзы, упаковывала чемодан. Её бесславная московская эпопея подходила к концу. Было больно и обидно, что её мечты так и останутся мечтами, но тут уж ничего не поделаешь — обстоятельства оказались сильнее её. Она сдалась, потому что устала преодолевать сопротивление судьбы, задавшейся целью испытывать её на прочность. Ничего, скоро она окажется под защитой родного дома. Мама прижмёт её к своей тёплой груди, папа уговорит съездить на зимнюю рыбалку, бабушка всплакнёт и побежит готовить оладушки — внученька так исхудала в Москве. Все будут радоваться, что она вернулась, а потом жизнь постепенно войдёт в свою наезженную колею. Мама — в школу, бабушка — в магазин за продуктами, папа — на завод. А что же она? Чем она заполнит свои дни и вечера? Дискотекой в заводском ДК? Учёбой в экономическом вузе? Тоскливыми воспоминаниями и мыслями о недавней неудавшейся любви? Настя встрепенулась, будто очнулась от летаргического сна, в котором прибывала последние два дня. Тоскливыми?! Но они могут быть яркими, сказочными, если она сама этого захочет.

Несколько секунд в ней шла упорная борьба между внезапно вспыхнувшим желанием и здравым смыслом. Здравый смысл, подкреплённый традиционным воспитанием, твердил — одумайся! Безрассудное желание кружило голову, напоминало о поцелуях, нежных ласках. Оно настаивало, заманивало обещаниями, и Настя уступила.

Набросив халатик, она вышла из комнаты и двинулась по коридору. У неё мелькнула мысль, что Стас, возможно, уже спит и не сможет оценить её добровольную капитуляцию. Но он не спал, а читал в постели, подперев голову рукой. Шёлковое тёмно-синее одеяло небрежно прикрывало его, и под ним отчётливо вырисовывался изгиб сильных бёдер. Судя по всему, Стас не обременял себя одеждой в постели, и она подумала, что никогда прежде не видела обнажённого мужчины — не считая, конечно, фильмов и журналов.

Он отложил книгу в сторону и резко присел в кровати.

— Что случилось? — В глазах вспыхнула тревога, а потом она сменилась пониманием, но он не собирался облегчать ей задачу. Он молча смотрел на неё, и только прерывистое дыхание и мерно вздымающаяся грудь выдавали его напряжение.

— Я… — Настя нервно сглотнула и начала снова, — я пришла к тебе. Я хочу быть с тобой, — вымученно заявила она.

И испугалась. А вдруг он сейчас прогонит её прочь. Но Стас ничего не

сказал, он шумно вздохнул, улыбнулся и протянул к ней руку.

На следующее утро Анастасия проснулась рано. На её лице блуждала улыбка. Оказывается, можно грешить и получать от этого несказанное удовольствие. Стас спал, лёжа на спине, одной рукой обнимая её. Ей ужасно хотелось погладить его по тёмным волосам, провести пальцем по изгибу прямого носа. Очертить контур его упрямых губ. Её переполняли чувства, о наличии которых она даже не подозревала. Подавив в себе желание прикоснуться к нему, она тихонько выбралась из тёплой постели, надела халат и прокралась в свою комнату.

Через полчаса она спустилась на кухню.

«Сначала кофе для себя, — решила Настя, повязывая фартук, — а потом уже завтрак для всех».

За шумом миксера она расслышала звонок в дверь, а спустя минуту на кухне появился Стас.

— Как вкусно пахнет.

Настя обернулась. На нём были серые брюки и чёрная рубашка, в которых он выглядел очень элегантно. Она тут же вспомнила, что даже не причесалась толком.

— Будешь завтракать?

— С тобой обязательно.

Стас наклонил голову и поцеловал её. У неё не было сил ни сопротивляться, ни защищаться. Его губы были тёплыми, мягкими, рука крепко обнимала талию. Тихий вздох, вырвавшийся у неё, не имел ничего общего с протестом. Ей хотелось только одного — удержать этот миг подольше. Но миг есть миг, он не может превратиться в вечность, хотя в книгах об этом часто пишут. Настя отодвинулась, развернулась к плите. Последний завтрак. Она могла бы его не готовить, но ей хотелось занять себя, потому что она начинала волноваться.

— Кто звонил? — спросила Настя, спиной чувствуя, что Стас наблюдает за ней.

— Что? — переспросил он.

— Мне показалось, что кто-то звонил в дверь, — Настя подошла к столу с первой порцией свежеиспечённых блинчиков.

— А, охранник. — Стас повертел газетой. — Я попросил его принести почту, как только она появится.

— Понятно. Ты завтракай, а мне ещё нужно кое-что сделать у себя в комнате.

Уйти ей не удалось.

— Присядь. — Стас перехватил её у входа и усадил рядом с собой. — Давай проясним одну вещь. Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя в этот твой Нижневартовск после того, что было между нами этой ночью?

Вот он — момент истины! — промелькнуло в её сознании.

— Стас, так будет лучше. Я не хочу уезжать, но, поверь мне, у меня нет другого выхода.

— Выход всегда есть. Вот возьми, прочитай.

Насте сразу же бросилась в глаза фотография. Искажённое гневом лицо человека, ставшего её злым роком. Потом она пробежала статью, отмечая отдельные места — «Вчера на Казанском вокзале… блестящая операция проведена сотрудниками ФСБ… наркодельцу грозит срок до шести лет в колонии строгого режима».

Понимание пришло к ней мгновенно. Не бывает таких совпадений. Тут ясно прослеживалась параллель между событиями последних дней и статьёй в «Криминальных новостях», написанной Андреем Завадским, институтским приятелем Стаса.

— Значит, это дело твоих рук? — прошептала она побелевшими губами.

— А что мне ещё оставалось, — сказал он просто. — Ты не хотела мне довериться, а я не мог позволить тебе уйти.

— Как ты узнал?

— Случайно услышал твой разговор по телефону. Потом поехал в «Лабиринт».

Заметив, что Настя дёрнулась, он удержал её, усадил себе на колени.

— Я знаю всё. И знал вчера вечером, когда ты пришла ко мне. Надеюсь, ты не жалеешь об этом?

— Что ты?! — изумилась Настя. Её руки сами собой обвили его шею. — И ты не поверил, что это я взяла этот порошок?

— Нет, конечно. Мне даже в голову подобное не пришло.

— А откуда же взялся героин?

Настя подняла к нему зардевшееся личико.

— Купил через одного знакомого фээсбэшника, а затем ещё и подбросил в ячейку.

— Почему?

— Что — почему? — не понял он.

— Почему ты сделал это ради меня? — спросила Настя.

— Потому что я люблю тебя, глупышка. Неужели так нужны слова, чтобы понять это? — Стас удерживал её в своих объятиях, как в колыбели. — Ну и

какие у тебя планы на ближайшее будущее? — поинтересовался он, потому что вопрос об её отъезде, как понимала Настя, больше не подлежал обсуждению, это её вполне устраивало.

— Я собираюсь поступить в университет, окончить его, а потом стать богатой и счастливой, — засмеялась она.

— А для меня в твоих грандиозных проектах найдётся место?

— Разумеется, — расцвела Настя. — Я буду тебя любить. Очень!

— Слава Богу, — улыбнулся Стас. — Но только не здесь, у нас есть свой уголок для любви. — У него на лбу появилась складка, которую ей захотелось поцеловать, а затем разгладить рукой, чтобы его ничто не беспокоило. — Как ты думаешь, твоим родителям понравится зять-банкир? — внезапно спросил он.

— Такой, как ты, — понравится, — успокоила Настя.

В следующую секунду он уже целовал её, а она отвечала на поцелуй со всей страстью, на которую была способна.

— Хватит вам лизаться, бессовестные! — раздалось над их головами.

Услышав ворчливый голос Аллы, Настя соскочила с колен Стаса.

— Чего тебе нужно? — спросил Стас, обернувшись к сестре.

— От тебя ничего, — огрызнулась Алла. И тут же, превратившись в капризную девочку, заныла: — Настя, погладь мне блузку, пожалуйста. Я её непременно сожгу. Ты же знаешь, что она у меня любимая.

— Погладь сама. Насте пора собирать вещи.

— Какие вещи? Ты что, всё же решила уехать? Стас, ты почему её не уговорил?! — нежно любимая блузка полетела в кресло.

— Настя никуда не уезжает, она всего лишь переезжает ко мне на Сретенку. Мы решили, что там нам будет удобнее.

— А, ну тогда другое дело. — Взгляд Аллы метнулся к скомканной кофточке, и на губах её заиграла насмешливая улыбка. — Слушай, не в службу, а в дружбу: погладь мне блузку, будущая родственница.

Много испытаний выпало на долю Анастасии Муравьевой. Она выросла в Сибири среди добрых и любящих людей. Девочке кажется, что весь мир лежит у ее ног. Но капризная и своенравная Фортуна распоряжается иначе. Настю ждут разочарования и потери. Однако сильную личность не так легко сломать, тем более что появляется человек, готовый прийти на помощь...

ISBN 5-17-012345-0
9 785170 123452